

В 63.5

В 14

05

Немецкие хутора Прикамья:

Д. Вайман, А. Черных

история
и традиционная
культура
(XX – начало XXI в.)

16

В 63.5
В 14

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕРМСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
ГОУ ВПО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ГОУ ВПО «ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Д. И. Вайман, А. В. Черных

Немецкие хутора Прикамья:

история
и традиционная
культура
в XX — начало XXI в.

297851

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

Санкт-Петербург,
2008

УДК 390 (=30) (471.53)
ББК 63.521 (=43) (235.55)
В 14

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства регионального развития Российской Федерации.

Рецензенты: канд. ист. наук М. Г. Нечаев (Государственный общественно-политический архив Пермской области); канд. ист. наук Т. Б. Смирнова (Омский государственный университет).

Научный редактор: д-р ист. наук, член-корр. РАН, проф. А. В. Головнев.

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
и археологии УрО РАН.

В монографии на основе архивных и полевых этнографических источников рассматривается история формирования и этнического развития одной из групп немецкого населения Пермского края, исследуются сложившаяся система хозяйственных занятий, комплексы традиционной материальной и духовной культуры, а также особенности и формы межэтнического взаимодействия.

Издание адресовано историкам и этнографам и может быть полезным всем, кто интересуется историей и этнографией российских немцев в целом и немцев Среднего Урала в частности.

ISBN 978-5-91076-014-5

© Д. И. Вайман, 2008
© А. В. Черных, 2008
© ООО «Маматов», 2008

DIE RUSSISCHE AKADEMIE
DER WISSENSCHAFTEN
DIE URALFILIALE
PERMER FILIALE DES INSTITUTES
FÜR GESCHICHTSKUNDE UND ARCHÄOLOGIE
PERMER STAATLICHE PÄDAGOGISCHE UNIVERSITÄT
PERMER STAATLICHE UNIVERSITÄT

D. I. Weimann, A. V. Tchernyh

D EUTSCHE EINZELGEHÖFTE DER PRIKAMJE REGION: GESCHICHTE UND TRADITIONELLE KULTUR IM 20. UND AM ANFANG DES 21. JAHRHUNDERTS

Publishing
MAMATOV.
www.mamatov.ru

St. Petersburg,
2008

Das vorliegende Handbuch bietet einen Überblick über die Herausbildung und ethnische Entwicklung einer der Gruppen der deutschen Bevölkerung in der Region, ihr Wirtschaftssystem, ihre materielle und geistige Kultur, sowie auch die Besonderheiten und Formen der multiethnischen Zusammenarbeit.

Das Buch wendet sich an Historiker und Ethnologen, sowie auch an alle, die sich für die Geschichte und Ethnographie der Rußlandsdeutschen im Mittelural interessieren.

ISBN 978-5-91076-014-5

© D. I. Weimann, 2008
© A. V. Tchernyh, 2008
© ООО "Mamatov", 2008

ВВЕДЕНИЕ

Пермский край — полиэтнический регион, в котором сегодня проживают представители более 120 народов¹. Каждый из них, осваивая прикамские земли в разные исторические периоды, приносил с собой самобытную культуру и оставил свой след в развитии региона. Традиционно в Прикамье внимание историков и этнографов привлекают народы, уже давно освоившие эти территории. В настоящее время они считаются коренными или старожильскими в регионе и составляют основную часть его населения. В этнографии Пермского края особое внимание уделялось истории и культуре финно-угорских, тюркских и восточнославянских народов — русских, татар, башкир, коми-пермяков, марийцев, удмуртов². Значительно меньшее число исследований посвящено народам, оказавшимся в Прикамье в XVIII—XX вв. К одним из таких народов относятся немцы. История и традиционная культура немецкого населения этой территории Западного Урала до настоящего времени остается белым пятном в этнографии Пермского края.

Немцы (самоназвание — *дойч*, *дайч* (*deutsche*) — основное население Германии (75,418 млн. чел., 2004). Значительные группы немцев живут в Венгрии (260,8 тыс. чел.), Польше (154,5 тыс.), в Казахстане (353,4 тыс. чел., 1999). Общая численность немцев в мире около 80 млн. человек³. Немецкий язык относится к запад-

¹ Национальный состав Пермской области. Пермь, 2005.

² Этнический мир Прикамья: Библиографический указатель. Пермь, 2003.

³ Народы России. М., 1994. С. 342; Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 370.

ногерманской подгруппе германской группы индоевропейской языковой семьи. По данным переписи 2002 г. в Российской Федерации проживает 597,2 тыс. немцев, в том числе основная часть — в Сибирском федеральном округе (308,7 тыс. чел.)¹.

Появление немцев в Прикамье относится к XVIII в. Немцы селились в городах и заводских поселках, это были служащие, чиновники, врачи, учителя, служители культа. Численность их была незначительна. В 1856 г. в Прикамье проживало 213 немцев, большая часть немецкого населения была представлена жителями губернского города. Центром религиозной и общественной жизни немцев г. Перми стала лютеранская кирха, построенная общиной в 1864 г. Во второй половине XIX — начале XX в. численность немецкого населения региона возрастает. Значительный приток немецких переселенцев из западных губерний России в Прикамье наблюдался во время Первой мировой войны. Немецкое население в этот период в основном было представлено городскими жителями. К 1920 г. численность немцев только в городах составила 1264 человека, среди которых большинство (905 чел.) проживало в г. Перми, 305 — в г. Кунгуре, 45 — в г. Осе². Увеличение численности немецкого населения в Прикамье продолжалось и в годы первых пятилеток, чему в большей степени способствовала политика Советского государства. Главными причинами добровольного или насильственного переселения немцев на эту территорию стало раскулачивание и репрессии 1930-х годов, а также индустриализация. На промышленные стройки Прикамья ехали со всего Советского Союза, сюда прибыло и немало немцев-специалистов. Значительное переселение немцев в Прикамье приходится на годы Великой Отечественной войны. По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в разные районы СССР были насильственно депортированы немцы с Поволжья, Украины, Кавказа. Они дополнили ряды трудармейцев. И если до начала депортации в сентябре 1941 г. в Прикамье, в Молотовской области проживало 2672 немца³, то к

¹ <http://www.perepis2002.ru/index.html?iid=11> (сайт).

² Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX—XX вв. Пермь, 2002. С. 38.

³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / Сост., предислов., коммент. д-ра ист. наук проф. Н.Ф. Бугая. М., 1998. С. 24.

1 января 1953 г. в области числилось 52 313 немцев, среди которых местных немцев насчитывалось 1648 человек, трудармейцев и членов их семей, немцев, — 32 834, немцев-репатриантов — 17 831¹. В дальнейшем численность немецкого населения в регионе сокращалась, и перепись 1959 г. зафиксировала в области 38 928 немцев. В последующие годы их число также уменьшалось. По переписи 1989 г. в Пермской области проживало 15,3 тыс. немцев, по переписи 2002 г. численность немцев в Прикамье составила 10 152 человека. Из мест компактного проживания немцев в Прикамье можно отметить города Соликамск, Березники, Пермь, а также районы: Октябрьский, Чернушинский, Чердынский.

Немецкое население Прикамья не едино. Оно формировалось на протяжении длительного периода и представлено разными группами, среди которых немцы Поволжья, Сибири, а также Крыма, Волины, других территорий Украины, переселенцы из Молдавии и Белоруссии. Одной из наиболее интересных групп немцев Прикамья является сельское население южных районов края. Оно сформировалось в результате переселения немцев из западных губерний России в начале XX в., расселившихся компактно и основавших несколько хуторских поселений, а также сохранивших основные элементы традиционной культуры. Изучению именно этой группы немецкого населения Пермского Прикамья и посвящено настоящее исследование.

Актуальность и значимость исследований традиционной культуры немецкого населения России значимо в том аспекте, что долгое время полноценное исследование немецкой этнографии в стране, в силу объективно сложившихся исторических причин, почти не проводилось, многие проблемы этнографии российских немцев остаются не исследованными. Изучение комплексов немецкой традиционной культуры Прикамья представляется актуальным и в том аспекте, что в силу разных причин на Европейской части России почти нет компактных групп немецкого населения, сохранивших основные элементы традиционной этнической культуры.

Исследование традиционной культуры немцев Прикамья принято на материале одной из локальных групп немецкого насе-

¹ Земсков В. И. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект)//История СССР. 1991. № 5. С.157.

ления. В последние годы в этнографии все больший интерес вызывает изучение региональных и локальных вариантов традиционной культуры, так как к настоящему времени стал очевидным факт сосредоточения максимально выраженных этнических свойств у таксономически низких подразделений этноса, в том числе локальных групп¹. Внимание к локальным этнокультурным комплексам обусловлено и тем, что в процессе расселения немецкого этноса на огромных пространствах Евразии этническая культура приобретала локальные особенности, без изучения которых также невозможна ее адекватная характеристика — без учета ареалов распространения того или иного явления, локальных особенностей, связанных со спецификой формирования группы, без учета этнокультурной адаптации к новым природно-климатическим и социальным условиям, иноэтническому окружению.

Историография истории и культуры немцев России насчитывает значительное число как дореволюционных, так и современных исследований. Наиболее изученными представляются разные проблемы исторического развития российских немцев². В то же время далеко не все проблемы как в региональном, так и общероссийском масштабе освещены равномерно³. И если история российских немцев имеет богатую историографию, тематика традиционной культуры немцев России насчитывает значительно меньше исследований. Среди крупных работ следует назвать исследования Е. А. Арида⁴, В. М. Жирмунского, А. Н. Ипатов, Л. В. Малиновского, С. А. Рублевской, Т. Б. Смирновой, С. Б. Соколовского,

¹ Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX—XX в.). Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего цикла. Новосибирск, 2002. С. 23—24.

² Российские немцы. Историография и источниковедение//Материалы Международной науч. конф. Анапа, 4—9 сентября 1996 г. М., 1997; Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности//Материалы Международной науч. конф. Москва, 17—20 сентября 1998 г. М., 1999; Stumpp K. Das Schrifttum über das Deutschtum in Russland. Eine Bibliographie//NB. Stuttgart, 1959.

³ Чернова Т. Н. Фрагменты новейшей историографии по проблемам немецкого этноса в России//Немцы России на рубеже веков: История, современное положение, перспективы. Оренбург, 2000. С. 45—60.

⁴ Арида Е. А. Национальный костюм немцев Поволжья (конец XVIII — начало XX в.). М., 2000.

Т. Д. Филимоновой и др.¹ Наиболее изученными представляются этнокультурные традиции немцев лишь двух регионов — Поволжья и Сибири.

История и этнография немецкого населения Прикамья активно начала исследоваться только в начале 1990-х годов, что связано с несколькими причинами. С одной стороны, именно в XX в. Прикамье приняло значительное число немцев, и численность немецкого населения в регионе во второй половине XX в. заметно выделяет его среди других территорий Европейской части России. С другой стороны, лишь в этот период, в 1990-е годы, стало возможным обсуждение учеными многих проблемных вопросов истории и культуры российских немцев. Историография истории немецкого населения Прикамья представлена несколькими работами, в которых раскрываются разные аспекты формирования, исторического и современного развития немцев региона. Большее число работ посвящено изучению истории формирования и развития немцев в Пермском крае. Среди работ, отражающих эти процессы, следует назвать исследования Д. И. Ваймана², Д. Б. Григорьева³, М. Г. Не-

¹ Жирмунский В. М. Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма//Этнография. 1927. № 2. С. 13—26; Жирмунский В. М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР//Советская этнография. 1933. № 2. С. 84—112; Ипатов А. Н. Меннониты: вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978; Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири//Советская этнография. 1994. С. 97—105; Малиновский Л. В. Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности в XIX — начале XX в.//История СССР. 1990. № 2. С. 175—182; Рублевская С. А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX—XX вв. Москва, 1999; Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: Этнические процессы. Омск, 2002; Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: Этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003; Соколовский С. Б. Меннониты Алтая. М., 1996; Филимонова Т. Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР//СЭ. 1986. № 4. С. 100—111; Филимонова Т. Д. Тенденции этнического развития немцев СССР//Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. М., 1989. С. 7—29.

² Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие деревни Южного Прикамья: История и традиционная культура//Немцы Сибири: История и культура. Материалы V Международной науч.-практ. конф. Омск, 16—18 мая 2006 г. Омск, 2006. С. 189—191; Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора в южных районах Прикамья в начале XX в.//Народы Пермского края: альманах. Пермь, Администрация губернатора Пермского края, 2007. С. 66—68.

³ Григорьев Д. В. Немцы Башкортостана в конце XIX — XX вв. Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Уфа, 2002. С. 17—19; Григорьев Д. В. Немцы Башкортостана. Уфа, 2002.

чаева, Т. Б. Ремизовской Г. Н. Чагина, А. В. Черных и др.¹ Однако наиболее привлекают исследователей-историков проблемы немецкой истории XX в.: депортации немцев в 1940-е годы, история «трудоармии», представленные в работах историков Н. В. Бибарисовой, В. П. Мотревича, А. Б. Суслова и др.²

Важным для региональной историографии немецкой истории Пермского края явилась публикация значительного числа документальных материалов в сборнике «Немцы в Прикамье. XX в.»³, ставших мощной источниковой базой по истории немцев региона в XX в.

Одной из тем, постоянно интересовавших и интересующих пермских историков, следует назвать участие российских немцев в развитии культуры, образования и науки Пермского края. Многочисленные публикации, как правило, отражают судьбы и вклад отдельных представителей российских немцев в культурную и общественную жизнь региона, среди которых пермский губернатор

¹ Нечаев М. Г. Путь в три столетия: немцы в истории пермского края (краткий исторический очерк)//Россия — родина моя. Из истории российских немцев. Пермь, 2008. С. 4—26; Ремизовская Т. Б. Сведения о немцах, поляках, евреях, проживавших на территории Пермской губернии (1823—1917 гг.)//Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России: Тез. докл. межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 1995. С. 170—171; Рерих Л. А. Краткая история лютеранства в Пермской области (XVI — начало XX в.)//Религия в истории г. Перми (до 1917 г.): Материалы исторических слушаний, посвященных 280-летию г. Перми. Пермь, 2003. С. 23—41; Чагин Г. Н. Народы Прикамья//Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 37—41; Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития. Пермь, 2002. С. 42;

² Суслов А. Б. Трудовая мобилизация советских немцев в годы Великой Отечественной войны (на примере Пермской области)//История репрессий на Урале (1917—1980-е гг.). Н. Тагил, 1997. С. 186—197; Суслов А. Б. Быт трудармейцев в Пермской области//Взгляд на историю Прикамья на пороге XXI в.: Тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 200-летию Пермской губ. Пермь, 1997. С. 74—77; Мотревич В. П. Немецкая трудармия в Пермской области//Проблемы и тенденции развития Верхнекамского региона: Материалы респ. науч.-практ. конф. Березники, 1992. С. 52—53.; Бибарисова Н. В. Трудармейцы на Урале в период Великой Отечественной войны//Великая Отечественная война: Уроки и проблемы. Пермь, 1995. С. 36—38.

³ Немцы в Прикамье. XX век: Сборник документов и материалов: В 2 т. Пермь, 2006.

К. Ф. Модерах, доктор Ф. Х. Граль и многие другие.¹ Среди последних работ биографического характера следует назвать монографию известного ученого А. А. Германа, посвященную судьбе, профессиональной и общественной деятельности одного из лидеров национального движения российских немцев, руководителя городской организации немцев «Возрождение», немецкого культурного центра г. Соликамска Пермского края Э. А. Гриба². Судьба и деятельность Э. А. Гриба показана на широком фоне крупнейших событий отечественной истории XX в., современных процессов в немецком национальном движении. Отдельные современные публикации раскрывают особенности и проблемы современного этнического развития немцев Прикамья, формы и характер общественного движения российских немцев в регионе. Этим проблемам в основном посвящены публикации лидеров общественных организаций российских немцев Э. А. Гриба³, П. П. Петерса, И. Э. Редеккоп, И. Флю-

¹ Акафьева И. И. Народный доктор Ф. Х. Граль//Общественные слушания «Участие российских немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермского края»: Сборник выступлений. Пермь, 2007. С. 25—29; Вохмянина Е. И. Дети немецких спецпоселенцев — труженники науки Пермского края//Там же, с. 58—60; Корчагин П. А. Карл Федорович Модерах//Там же, с. 18—25; Непрокшина А. Самый человечный человек//Там же, с. 53—57; Николаев Ю. К. Благодарное слово о саксонце Вильгельме Геннинге//Там же, с. 7—18.

² Герман А. А. «Если останусь жив...»: Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. М., 2007.

³ Гриб Э. А. О возрождении и развитии культуры российских немцев//Национальная культура и языки народов Прикамья: возрождение и развитие: (К 200-летию Пермской губ.): Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. Ч. 2. С. 23—26; Гриб Э. А. Опыт работы администрации г. Соликамска по организации взаимодействия национально-культурных центров и средств массовой информации//Межэтнический мир Прикамья: Опыт этнополит. деятельности Адм. Пермской обл. М., 2001. Т. 3. С. 133—136; Гриб Э. А. Роль закона «О национально-культурной автономии» в решении проблем российских немцев//Там же, с. 165—169; Гриб Э. А. Практика работы национальных общественных организаций с местными органами власти на примере г. Соликамска Пермской области//Национальные некоммерческие организации, СМИ, местное самоуправление и проблемы межэтнической толерантности. Пермь, 2000. С. 185—188; Гриб Э. А. Практика работы национальных общественных организаций с местными органами власти на примере г. Соликамска Пермской области//Соликамск. 2001. Март (№ 3). С. 8—10; Гриб Э. А. Есть ли будущее у российских немцев?//Общественные слушания «Участие российских немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермского края»: Сборник выступлений. Пермь, 2007. С. 61—62

га.¹ В то же время следует отметить, что, несмотря на наличие определенного количества работ, посвященных истории и культуре немцев Пермского края, в целом эта тематика остается мало изученной. Истории немецкого населения в Прикамье не посвящено ни одного комплексного монографического исследования².

До настоящего времени в регионе нет исследований, посвященных изучению традиционной культуры немецкого населения в Прикамье. Предпринятая работа является первым этнографическим исследованием истории и культуры одной из групп немцев Прикамья. Объектом исследования является немецкое население южного Прикамья. Выбор данной территории среди всего немецкого населения края обусловлен, прежде всего, ранним периодом формирования сельских немецких поселений в этом районе, компактностью проживания, сохранением комплекса традиционной культуры. В качестве предмета выступает этнокультурная история немцев южных районов Прикамья, история формирования, этнические процессы и комплексы традиционной культуры.

Целью предпринятого исследования является изучение процессов формирования и развития немецкого населения и реконструкция комплексов традиционной культуры в XX — начале XXI в.

¹ Петерс П. П. Из опыта краеведческой работы в городе и пригороде // Музей как центр культуры современного города: Материалы науч.-практ. конф. Пермь, 1998. С. 45—51; Петерс П. П. О взаимодействии в работе общества немцев «Возрождение» г. Краснокамска с органами самоуправления и общественными организациями города // Национальные некоммерческие организации, СМИ, местное самоуправление и проблемы межнациональной толерантности. Пермь, 2000. С. 208—211; Петерс П. П. Религия и российские немцы в Прикамье // Славянский мир на рубеже тысячелетия: Материалы 4-й междунар. науч. конф. (15—16 апр. 1999 г.). Пермь, 1999. С. 60; Редекоп И. Э. Пермское общество российских немцев «Видергербурт» // Общественные слушания «Участие российских немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермского края»: Сборник выступлений. Пермь, 2007. С. 3—7; Флюг И. Автономия пермских немцев: На расширенном правлении общества немцев г. Перми принято решение на основании Федерального закона «О национально-культурной автономии» приступить к созданию в Перми немецкой национально-культурной автономии // Местное время. 1996. 8 окт. С. 2; Петерс П. П. Российские немцы в Прикамье. Краснокамск, 2003.

² Нечаев М. Г. Проблемы изучения исторического вклада российских немцев в развитие города Перми и Пермского края // Общественные слушания «Участие российских немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермского края»: Сборник выступлений. Пермь, 2007. С. 73—78.

Задачи работы:

— показать формирование немецкого населения южных районов Прикамья, проследить этнические и социальные процессы на протяжении XX в., охарактеризовать современные этнические процессы и их основные тенденции;

— охарактеризовать комплексы материальной и духовной культуры немецкого населения южных районов Прикамья;

— выявить локальные проявления традиционной культуры с учетом влияния природно-климатических, социальных факторов и межнационального взаимодействия в контексте адаптационных процессов.

Территориальные рамки исследования определены местом формирования и компактного проживания немецкого населения в южном Прикамье. В начале XX в. эти земли относились к северо-восточной части Бирского уезда Уфимской губернии, на границе с Пермской губернией, в 1926 г. были переданы в состав Уральской области, в настоящее время в административном отношении принадлежат Чернушинскому и Октябрьскому районам Пермского края.

Хронологические рамки исследования включают период от начала XX — до начала XXI в. С одной стороны, они определены появлением на территории южного Прикамья в начале XX в. немецких поселений, с другой — тем, что изучение этнокультурных процессов немецкого населения изучаемых районов доведено до настоящего времени.

Для подготовки исследования был использован комплекс опубликованных, архивных и полевых этнографических источников. В основу работы легли полевые материалы, полученные авторами в результате этнографических экспедиций в южные Чернушинский и Октябрьский районы Пермского края. Полевые исследования велись в территориях, в которых в начале XX в. были основаны немецкие хуторские поселения, в тех населенных пунктах, где в настоящее время проживают потомки немецких переселенцев. В период 2000—2008 гг. состоялось пять экспедиционных выездов, за время которых велась работа в д. Ивановка (2000), с. Трун (2000) Чернушинского района и г. Чернушка (2006); пос. Щучье Озеро (2004, 2006), д. Баймурзино (2006), с. Алмаз (2006), пос. Сарс (2006), д. Новопетровка (2006, 2008), с. Тюинск (2006, 2008) Октябрьского района. Во время полевой работы проводились опросы старожилов,

выходцев из немецких поселений, изучались материалы личных архивов, фиксировались и зарисовывались усадебные комплексы, изучались предметы быта. В итоге было собрано значительное количество разного рода материалов, отражающих особенности этнической истории, материальной и духовной культуры немцев Южного Прикамья. Собранные коллекции предметов быта переданы в фонды Пермского краевого музея.

Существенным дополнением к полевым материалам стали документы архивных собраний. Наиболее ценными и интересными материалами стали документы Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ, г. Уфа), в которых достаточно полно раскрываются особенности формирования немецких поселений. Специфику расселения и динамику численности немцев южного Прикамья позволили раскрыть документы, выявленные и изученные в ЦГИА Республики Башкортостан (г. Уфа); Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО, г. Екатеринбург); Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ГОПАПО, г. Пермь).

Интересным и информативным источником явились материалы следственных дел, хранящиеся в фондах Государственного общественно-политического архива Пермской области. В документах раскрываются многие стороны жизни немецких поселений, приведены достаточно подробные сведения о составе хозяйства в дореволюционный период и в первые годы после революции, отмечены места выхода переселенцев, указаны причины переселения на Урал. Использование этого вида источников существенно дополнило как материалы, извлеченные из других архивных собраний, так и полевые этнографические материалы.

Всего для подготовки работы были использованы документы из архивных фондов, хранящиеся в четырех архивных собраниях Уфы, Екатеринбурга, Перми.

Отдельные исторические сведения, особенности расселения немцев, этнический состав населенных пунктов с немецким населением были изучены на основе документов, хранящихся в текущих архивах администраций Труновского, Тюинского и Щучье-Озерского сельских поселений Чернушинского и Октябрьского районов Пермского края.

Немногочисленные опубликованные источники представлены материалами переписей населения конца XIX — начала XXI в., списками населенных мест и населенных пунктов Уфимской и Пермской губерний, Уральской и Пермской областей¹. Интересными представляются статистические материалы о немецких хуторах по данным обследования 1914 г., опубликованные в Сборниках статистических сведений по Уфимской губернии². При подготовке работы использовались опубликованные архивные документы советского периода, помещенные в сборнике «Немцы в Прикамье: XX в.»³, в которых раскрываются некоторые явления конфессиональной жизни немцев Южного Прикамья, а также отмечены места рождения жителей хуторских поселений региона.

Полученный в ходе полевых и архивных изысканий источниковый материал в полной мере позволяет раскрыть особенности формирования и развития немецкого населения южных районов Пермского края, а также реконструировать сложившиеся комплексы материальной и духовной культуры. Большая часть источникового материала получена авторами в ходе исследовательской работы и вводится в научный оборот впервые.

Настоящее исследование состоит из введения, пяти основных глав и заключения. Главы работы отражают основные комплексы этнической истории и традиционной культуры. Глава I монографии посвящена изучению истории появления немецкого населения в южных районах Прикамья, особенностям формирования поселений, а также динамике численности, изменению расселения немцев в указанных территориях в разные периоды XX в., современным этническим процессам. В главе II рассматриваются особенности хозяйственных традиций немецкого населения и формы адаптации хозяйственных занятий к новым природно-климатичес-

¹ *Западные башкиры по переписям 1795—1917*. Уфа, 2001. С. 577—578; *Список населенных пунктов Уральской области*. Свердловск, 1928. Т. VI. Кунгурский округ; *Список населенных пунктов Уральской области*. Свердловск, 1928. Т. IX. Сарапульский округ; *Национальный состав населения Пермской области*. Пермь, 2005; *Немецкие населенные пункты в СССР*: Справочник. Москва, 2002.

² *Сборник статистических сведений по Уфимской губернии*. Том V. Бирский уезд (Оценочно-статист. материал по данным местных исследований 1897 г.). Уфа, 1899.

³ *Немцы в Прикамье. XX в.*: Сборник документов и материалов: В 2 т. Пермь, 2006.

ким условиям. В главе III исследуются комплексы материальной культуры: поселения и жилища, традиционный костюм, утварь и система питания. В главе IV изучаются особенности духовной культуры, трансформации в конфессиональной жизни, в календарных и семейных праздниках и обрядах. В главе V рассматриваются особенности взаимодействия немецкого населения с иноэтническим окружением, особенности этих процессов и влияние межэтнических контактов на формирование специфических черт материальной и духовной культуры, в том числе и за счет иноэтнических инноваций.

Работа содержит несколько приложений, в которых помещены документы архивных собраний, карты, а также иллюстративный полевой материал, отражающий явления материальной и духовной культуры.

Авторы выражают глубокую благодарность всем информаторам, с которыми приходилось работать во время полевых исследований. Искренняя признательность администрации, учреждениям образования и культуры Чернушинского и Октябрьского районов Пермского края, без поддержки которых невозможно было бы проведение экспедиционной работы, и лично начальнику управления образования Октябрьского района Т. Е. Филимоновой, директорам Щучье-Озерской, Тюинской средних и Новопетровской основной школ Р. Н. Габдрахманову, Т. М. Катаевой, М. Б. Хабибрахмановой. Особая благодарность коллегам — кандидату исторических наук Т. Г. Голевой и доктору филологических наук И. А. Подюкову, оказавшим значительную помощь в подготовке рукописи к изданию. Авторы благодарят рецензентов, редактора книги и всех, кто принимал участие в ее подготовке.

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ЮЖНОМ ПРИКАМЬЕ

Глава I

297851

Варяггинская ЦБС
Пермской области

АБ

1.1. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ

История появления немцев на Руси начинается с эпохи средневековья. В начале II тысячелетия первые немцы основали торгово-ремесленные слободы в Пскове, Новгороде, затем — в Москве. С середины XV в. в Россию активно приглашаются немецкие специалисты — ремесленники, архитекторы, строители, врачи¹. Значительным был приток иностранных немецких специалистов при Петре I².

Новый период в формировании немецкого населения в России приходится на вторую половину XVIII в. В XVII—XVIII столетиях Россия завоевывает большие территории на востоке и юге страны, вдоль Волги и по течению Днепра. Новые границы нуждаются в укреплении. Вступившая на престол в 1762 г. Екатерина II (немецкая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская), решая проблему освоения этих земель, издает несколько законов: Манифест «О позволении иностранцам селиться в России...» от 4 декабря 1762 г.³ и Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают

¹ Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов / Под. науч. ред. доц. И. Р. Плеве. М., 1997. С. 14—15.

² Народы России. М., 1994. С. 247.

³ Немцы-колонисты в век Екатерины: Сб. документов Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье. М., 2004. С. 10—11.

и о дарованных им правах» от 22 июля 1763 г.¹ Несмотря на то что Манифест был обращен ко всем иностранцам, наибольший отклик он нашел среди крестьян немецких княжеств, особенно с южных и юго-западных территорий². С 1763 г. начинается плановое и массовое переселение немецких крестьян в Россию, продолжавшееся до 40–60-х годов XIX в.³ Немецкие поселения возникают в Поволжье, позднее они появляются и на территории западных губерний России, на Украине, в Белоруссии, в Причерноморье. В конце XVIII — начале XIX в. из северной части Германии, из районов Вислы и Померании идет переселение немцев на Волынь⁴. На рубеже XVIII — XIX вв. выходцы из северной и юго-западной областей Германии осваивают Причерноморье (Черноморские области — Бессарабия, Крым, Южный Кавказ)⁵. Помимо образования немецкими крестьянами колоний и освоения ими новых территорий, по всей России в городах продолжается приток немецких специалистов и формируется городское немецкое население. К концу XIX в., по переписи 1897 г., численность немецкого населения в стране составила 1790,5 тыс. человек. В это время на территории Российского государства существовало более 2 тыс. немецких поселений⁶.

В русле общих процессов появления немцев в России происходит формирование немецкого населения в Прикамье. Начало становления немецкой диаспоры в Прикамье было положено в XVIII в. Первыми из укоренившихся здесь немцев были специалисты, в основном чиновники и служащие, селившиеся в городах и заводских поселках Пермской губернии. Их численность в составе основного населения была незначительной; так, на 1856 г. в Прикамье проживало 213 немцев, большая их часть являлась жителями губернского города. В 1864 г. в Перми была построена лютеранская кирха, ставшая центром религиозной и общественной жизни

немцев¹. В 1897 г. численность немецкого населения в Прикамье составила 355 человек. В основном немцы были сосредоточены в губернском и уездных центрах, в заводских поселениях, притом большая их часть, 256 человек, проживала в Перми².

Формирование сельского немецкого населения на территории современного Пермского края приходится на рубеж XIX—XX вв. В этот период появляются немецкие сельские, хуторские поселения на землях, находившихся на границе Уфимской и Пермской губерний, т.е. на территории, в настоящее время относящейся к Пермскому краю. В конце XIX — начале XX в. это были северные земли Уфимской губернии, в северо-восточной части Бирского уезда, значительная площадь которых была занята лесами и оставалась мало освоенной.

Территория пограничья, находящаяся на стыке Уфимской и Пермской губерний, начала осваиваться русскими только с конца XVIII — начала XIX в., после размежевания земель и определения границ губерний³. В освоении этих территорий принимали участие как русские государственные, так и частновладельческие крестьяне. На этой территории за счет приобретения башкирских вотчинных земель появляются частновладельческие имения, в том числе имения Зеленцова и Жуковского. Первые русские поселения здесь отмечены в начале XIX в.⁴

Однако наиболее активное освоение этих земель начинается только со второй половины, а особенно интенсивно — в конце XIX в. и продолжается в начале XX в.⁵ Связано это прежде всего с тем, что частновладельческие земли имений Зеленцова и Жуковского в этот период сдаются в аренду и распродаются в собственность крестьянам, в том числе и с помощью Крестьянского позе-

¹ Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев России. М., 2005. С. 31.

² Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002. С. 21.

³ Там же. С. 21–22.

⁴ Костюк М. П. Немецкие миграционные движения на Волынь (XVIII — начало XX в.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научн. конференции. Анапа, 26–30 сент. 1997 г. Москва, 1998. С. 27–28.

⁵ Wiens H. Deutsche in Russland und in der GUS // Volk auf dem Weg. Moskau — Stuttgart, 1998. Auflage, 6. S. 6–7.

⁶ Народы России. М., 1994, с. 248.

¹ Чагин Г. Н., Черных А. В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития. Пермь, 2002. С. 42.

² Чагин Г. Н. Народы Прикамья // Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 38.

³ Черных А. В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX — начале XX в. (По материалам южных районов Пермской области). Пермь, 2002. С. 66–68.

⁴ Вехи истории и жизни (Октябрьскому району — 75) / Ред.-составители С. М. Барков, Т. Б. Соколова. Пермь, 2006. С. 173–488.

⁵ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Том V. Бирский уезд (Оценочно-статист. материал по данным местных исследований 1897 г.). Уфа, 1899. С. 34–39.

мельного банка¹. Первоначально эти территории осваивают русские крестьяне Вятской и Пермской губерний, как показывают документы, «арендовав землю» в имениях Жуковского и Зеленцова и «скупившие землю... после долгосрочной аренды»². В конце XIX в. кроме русского населения в освоении этих территорий принимают участие также другие народы, например марийцы, основавшие деревни Баймурзино и Текловка³, эстонцы, поселившиеся в 1897 г. на земле, арендованной у Зеленцова, а затем приобретенной ими в собственность⁴. В начале XX в. частновладельческие имения активно осваивают и немцы, переселявшиеся из внутренних западных губерний России.

Неосвоенные земли немецкие переселенцы приобретают в имении Жуковского с помощью Крестьянского поземельного банка⁵. Получив ссуду в Уфимском отделении банка, немецкие крестьяне составляют так называемые «банковские товарищества», которые создаются с целью приобретения и закрепления земли в личном пользовании через кооперацию нескольких землевладельцев⁶. В товарищества были объединены несколько хуторских хозяйств, расположенных в близости друг от друга. Каждое товарищество получало свое название, которое и становилось наименованием

¹ Сборник статистических сведений... С. 38—39; ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 852 л. 1; д. 2899, л. 1—21.

² Сборник статистических сведений... С. 34—38.

³ В настоящее время д. Баймурзино Октябрьского и д. Текловка Чернушинского районов Пермского края. (См.: Черных А. В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь, 2007. С. 168).

⁴ Садиков Р. Р. Эстонцы Башкортостана: обзор архивных источников // Археология Южного Урала: Материалы 4-й Межрегиональной науч.-практ. конференции 16 сент. 2004 г. Уфа, 2004. С. 174 (174—184); Сборник статистических сведений... С. 38.

⁵ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 972, л. 1—8; д. 973, л. 1—3; д. 867, л. 1—2; д. 964, л. 1—4; д. 1017, л. 1.

⁶ «Переселяясь на новые земли, крестьяне объединялись в артели и товарищества на основе взаимопомощи. Этому способствовал и порядок приобретения земель, установленный Крестьянским поземельным банком. Товарищества создавались не менее чем тремя домохозяевами. Членами товарищества могли быть лица обоего пола без различия возраста. Интересы малолетних и несовершеннолетних выражали и защищали опекуны. Земли покупали как за наличный расчет, так и в кредит по ссудам, выдаваемым Крестьянским банком под проценты с рассрочкой до 55,5 лет» (Григорьев Д. В. Немцы Башкортостана в конце XIX—XX вв. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Уфа, 2002. С. 18—19).

условного поселения. (Условного, потому что немецкие поселения, хотя они имели свои названия и в официальных документах были записаны как деревни, все же представляли собою несколько самостоятельных хуторов, состоящих из крестьянской усадьбы и прилегающего земельного надела, расположенных вдоль дороги, притом расстояние между усадьбами доходило до километра¹.)

Согласно документам Уфимского отделения Крестьянского поземельного банка, первое дело о приобретении земли немецкими крестьянами, начатое в 1902 г., относится к Первому Николаевскому товариществу. Купчая крепость товарищества на землю была утверждена 23 мая 1903 г.² Другие документы показывают, что переселение началось несколько раньше. Жители деревни Николаевка Первая в 1930-е годы отмечали, что переехали на Урал в 1901 г.³; возможно, до приобретения земли в собственность они пользовались ею на правах аренды. Другое немецкое поселение, возникшее в непосредственной близости от Николаевки Первой, получило название Вторая Николаевка, и купчая крепость на эту землю также была утверждена 23 мая 1903 г.⁴

Вторая группа немецких поселений возникает на некотором удалении от первых, однако в непосредственной близости друг к другу: II Екатериновское товарищество, известное как Екатериновка, дело на которое в Крестьянском поземельном банке открыто в 1905 г., а купчая утверждена 15 августа 1906 г.⁵; I Сергеевское товарищество, или Сергеевка, купчая крепость на землю у которого утверждена 15 апреля 1906 г.⁶ Банковских документов на третье немецкое поселение Романовка (Блюменталь) не сохранилось; однако следует предполагать, что, основанное в непосредственной близости от первых двух названных оно также возникло в эти годы.

Еще одно крупное немецкое поселение, Нижняя Григорьевка, возникает на некотором удалении как от Николаевки, так и от поселений Сергеевка, Екатериновка, Романовка. Купчая крепость

¹ Вайман Д. И., Черных А. В. Немецкие хутора в южных районах Прикамья в начале XX в. // Народы Пермского края: альманах. Пермь, Администрация губернатора Пермского края, 2007. С. 66—68.

² ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 972, л. 1—8.

³ ГАПОПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 4812/2, л. 17.

⁴ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 973, л. 1—3.

⁵ Там же, д. 867, л. 1—2.

⁶ Там же, д. 1017, л. 1.

на землю Нижне-Григорьевского товарищества утверждена Уфимским отделением Крестьянского поземельного банка 21 марта 1907 г.¹ Немецких названий для большинства поселений не было: «Когда по-немецки говорили, также называли Первая Николаевка, Вторая Николаевка: *Die erste Nikolaewka, die zweite Nikolaewka*» (д. Николаевка)². Только деревня Романовка имела второе название — Блюменталь, и деревня Первая Николаевка — К(Г)абель: «*Die erste Nikolaewka auf daitsch hat man K(G)abel gesagt*» (Первая Николаевка по-немецки К(Г)абель называлась)³.

Товарищества включали несколько крестьянских хозяйств, однако в каждом товариществе их численность была различной. Самым большим на момент основания было Нижне-Григорьевское товарищество, оно включало 24 крестьянских хозяйства⁴. Второе Николаевское товарищество в 1903 г. состояло из 22 крестьянских хозяйств⁵, Первое Николаевское — из 16⁶, Второе Екатеринбургское — из 10⁷. Первое Сергеевское было наиболее малочисленным и насчитывало 5 крестьянских хозяйств, среди которых четыре немецких и одно русское⁸.

Таким же способом — путем создания банковских товариществ — приобретали земли в собственность с помощью Крестьянского поземельного банка и соседние русские крестьяне⁹. Немецкие крестьяне также имели наделы в некоторых соседних товариществах с преимущественно русским населением — в таких, как «Жуки», «Вторые Жуки», «Первое Андреевское», «Второе Андреевское», «Второе Сергеевское», «Темный починок»¹⁰. Так, в товариществе «Вторые Жуки» на момент утверждения купчей крепости в 1908 г. значилось 21 русское крестьянское хозяйство и 6 немецких¹¹. Часть земельных наделов немцами товарищества «Вторые

Жуки» в 1913 г. была приобретена также в товариществе «Жуки», в котором значилось 4 немецких домовладельца¹.

Формирование немецкого населения в южных районах Прикамья в начале XX в. происходит в русле общих закономерностей и тенденций миграционных процессов, характерных для российских немцев в этот период. Начало значительной миграции немецкого населения на Восток с территорий, освоенных ими ранее, приходится на 60-е годы XIX в.² Оставив свои «материнские» колонии на Волге, Северном Кавказе, в Новороссии, на Волыни и в других регионах Европейской России, в конце XIX — начале XX в. в общероссийском миграционном потоке избыточное население немецких колоний устремилось к Южному и Среднему Уралу и в Сибирь³.

Становление немецких поселений на севере Уфимской губернии проходит одновременно с активным освоением немцами и других территорий Южного Урала (земли современной Республики Башкирия, Челябинской, Курганской и Оренбургской областей). Особенно интенсивное освоение Южного Урала происходит на рубеже XIX—XX вв. Как показывают исследователи, только вокруг Оренбурга на расстоянии до 100 верст за последнее десятилетие XIX века было создано более 80 немецких поселений, а к началу Первой мировой войны в Оренбургском уезде существовало уже свыше 130 таких поселений⁴. Темпы заселения и масштабы миграции в исследуемом нами районе раскрывают статистические данные по Бирскому уезду Уфимской губернии. В 1897 г. в Бирском уезде проживало 42 немца, в 1912—1913 гг. — уже 670 человек, в 1917 г. в уезде насчитывалось 367 немецких хозяйств с населением 1782 человека, в том числе на территории исследуемой нами Тюинской волости — 140 хозяйств с населением 804 человека⁵.

¹ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 964, л. 1—4.

² ПМА-2000: Чернушинский район, с. Трун, Либерт (Гуткнехт) Ольга Васильевна, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ Она же.

⁴ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 964, л. 1—4.

⁵ Там же, д. 973, л. 1—3.

⁶ Там же, д. 972, л. 1—8.

⁷ Там же, д. 867, л. 1—2.

⁸ Там же, д. 1017, л. 1.

⁹ Там же, д. 852, 876, 877, 882, 886, 800.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, д. 877, л. 1—3.

¹ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 876, л. 1—3.

² Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев России. Москва, 2005. С. 195.

³ Плева И. Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции. Москва, 17—20 сентября 1998 г. Москва, 1999. С. 203—208.

⁴ Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. Указ. соч. С. 198—201.

⁵ Григорьев Д. В. Немцы Башкортостана. Уфа, 2002. С. 29, 33. Кроме территории Тюинской волости осваивались и более южные районы Бирского уезда. Значительная группа немецких поселений возникла также в Исмагиловской волости, территория которой в настоящее время относится к Республике Башкортостан.

В основе миграционных процессов, как правило, лежит целый комплекс причин. Для крестьянского населения наиболее значимым являлось отсутствие свободной земли в родных местах — малоземелье.

Немаловажной причиной немецкой миграции, в частности, послужил постоянный рост арендной платы и цены на землю в западных губерниях России, в то время как цены на землю в Заволжье и Сибири по сравнению с ними были ниже примерно в 5 раз¹. Но, как отмечают исследователи, помимо возросших цен на землю, важнейшими причинами, вызвавшими дальнейшее переселение немецких крестьян, стали внутренние — аграрные и демографические противоречия в старых колониях².

Главную причину своего переезда в Прикамье пермские немцы также связывают с нехваткой и дороговизной земли в старых поселениях. Наиболее полно причины переезда раскрывают следующие источники:

«В 1901 г. я с матерью переехал на Урал. Причина переезда та, что мать не имела своей земли, а брала десятин 5 в аренду у помещика. Когда аренда (срок) кончилась, жить стало нечем. Мы с матерью решили уехать на Урал» (д. Николаевка)³;

«А приехали..., это я спрашивала как-то. Приехали сюда, здесь земли много... Приехали из-за земли. Здесь земли вдоволь было в России, а там, видно, земли маловато было. Приехали вот, раньше же единолично жили, вот надел давали им. А там у них нет...» (д. Романовка)⁴.

«Мой отец — уроженец деревни Кунов, Глины-Клишев, бывший Петраковского уезда, ныне территория Польши, по вероисповеданию — лютеранин, немец. Мать — немка. Примерно в 1901 г. отец приехал на Урал, где бывший помещик Жуковский на договорных началах предоставлял свои земли немцам-колонистам. Родился я в деревне Темный починок Чернушинского района Свердловс-

¹ Малиновский Л. В. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX — начале XX в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Материалы международной научной конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. Москва, 1998. С. 89–96

² Там же, с. 91–92.

³ ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 4812/1, л. 18.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Алмаз, Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

кой области. В 1918 г. мать настояла переехать из русской деревни Темный починок, где мы были единственной семьей немцев, в поселения с преобладающими немецкими колонистами.

Так, по настоянию матери, из-за национальных чувств, отец и поселился на хуторе около поселка Николаевка Первая Щучье-Озерского района, т.е. в местности с преобладающим немецким населением. Хозяйство отца оставалось по мощности середняцким, в котором я оставался до 1925 г., в детстве окончил сельскую школу и 2-классное училище — шестилетку¹.

«Отец мой, по национальности немец, родился на Украине, около города Киева. Мать — немка, родилась в той же местности. До 1902 г. они проживали на Украине и занимались сельским хозяйством. Хозяйство было бедняцким, они имели 1 лошадь и 1 корову. В 1902 г. они уехали на Урал, на территорию теперешней Свердловской области Щучье-Озерского района Ивановского с/с деревня 2-я Николаевка. Уехали на Урал, потому что было мало земли, не было дров.

На Урале они также занимались сельским хозяйством и имели после революции дом, лошадь и корову. Хозяйство считалось бедняцким. Я родился в 1908 г. в деревне Вторая Николаевка Ивановского с/с Щучье-Озерского района теперешней Свердловской области и с 1908 по 1937 г. также жил безвыездно там, где родился. Я с малых лет занимался сельским хозяйством»².

Миграция немцев в северо-западные территории Бирского уезда, в Тюинскую волость шла главным образом с территорий западных губерний Российской империи, с территорий современной Украины и Белоруссии³. Материалы исследования показывают, что среди переселенцев были представлены преимущественно выходцы Волынской губернии России. Выходцы из Киевской губернии также были представлены в основном северо-западными ее районами, не только граничившими с Волынской губернией, но и являющимися частью историко-этнографического района

¹ ГОПАПО, ф. 643/2, оп. 1, д. 32001, л. 9.

² Там же, ф. 643/1, оп. 1, д. 4046, л. 11.

³ Там же, д. 4812/1, л. 1–124; д. 4812/2, л. 1–117; *Немцы в Прикамье XX в.: Сборник документов и материалов*. В 2 т. Пермь, 2006. Т. 1. Архивные документы. Кн. 2. С. 144–225.

«Волын»». Среди населенных пунктов, откуда прибывали переселенцы, следует назвать¹:

Киевская губерния

д. Ставетская Слобода Килкеревской волости Радомышльского уезда;

д. Шнуров Лес Брусиловской волости Радомышльского уезда;

д. Негребовка Радомышльского уезда;

д. Лянквальд Радомышльского уезда.

Волинская губерния

д. Мериславка Луцкого уезда;

д. Клищицы Базарской волости;

д. Королевская колония Овручского уезда;

колония Карловка Базарской волости;

д. Хатки Базарской волости;

д. Дуброво;

Барышевская волость Житомирского уезда;

г. Житомир.

Варшавская губерния

д. Лобудиц Ремиковской волости;

д. Юрондоф Гурецкого уезда.

Отдельные семьи переселились также из других губерний России, Поволжья и Урала, в частности: д. Николаевка Самарской губернии, д. Софроновка Белебеевского уезда Уфимской губернии, ст. Давлетканово Уфимской губернии². Семья Стефан из д. Романовка: «по рассказам родителей, они уроженцы немцев Поволжья, после проживали в бывшей Уфимской губернии, потом переехали в д. Романовка»³.

Выходцы с Волины составили основную часть переселившихся в Прикамье немцев. Волинские немцы на рубеже XIX—XX вв. составляли значительную часть среди мигрантов, в основе чего лежал целый комплекс причин: серия законодательных актов конца 80—90-х годов XIX в., не только ограничивающих льготное положение

волинских колонистов (изменение условий аренды и приобретения земли и, как следствие, — угроза безземелья), но и запрещающих впредь селиться в Юго-Западном крае империи. Вторая причина связывается с дроблением земельных наделов, что приводило к малоземелью и снижению эффективности хозяйствования⁴.

Незначительный приток немецкого населения в основанные поселения продолжался и в последующие годы, что раскрывают как полевые материалы, так и архивные документы. В этот период продолжали прибывать переселенцы с тех же территорий, что и основатели поселения. Так, семья Банземир переселилась в д. Романовка в 1906 г.: «По рассказам родителей, из Германии приехал дедушка, до 1906 г. жили в Минской губернии. В связи с тем, что земли не было, родители жили плохо. Мы, узнав, что помещик Жуковский продает землю, решили переехать сюда. Отец узнал от своих односельчан, немцев, выехавших из Минской губернии на Урал в 1901 г., из их писем. Мы у помещика взяли землю в рассрочку на 50 лет, плата помещику в год за десятину рубль»². В д. Николаевка Первая в 1916 г. появились земельные наделы, приобретенные выходцем из Малинского общества Радомышльского уезда Киевской губернии Д. Д. Генцельманом и переселенцем из д. Шнуров Лес Брусиловской волости Радомышльского уезда Киевской губернии К. И. Эске³. В д. Екатериновка в 1918 г. появились хозяйства Х. Х. Интермана, выходца из хутора Хотка Вотелянской волости Житомирского уезда Волинской губернии, и К. Г. Кинаста из Коростышевского общества, уроженца Радомышльского уезда Киевской губернии⁴. Одной из причин переселения в это время была и начавшаяся в 1914 г. война, что также заставило часть населения из приграничной полосы добровольно или в рамках организованной эвакуации переселяться на восток. В немецких деревнях Прикамья также есть семьи, переехавшие по названной причине: «В 1915 г. во время империалистической

¹ Костюк М. П. Миграция волинских немцев в Сибирь (конец XIX — первая половина XX века) // Немцы Сибири: история и культура. Материалы V Международной научно-практической конференции. Омск, 16—18 мая 2006 г. Омск, 2006. С. 3—5.

² ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 3379, л. 8.

³ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 972, л. 7—8.

⁴ Там же, д. 867, л. 1—2.

¹ Список мест выхода переселенцев составлен по архивным источникам; все названия населенных пунктов и их административная принадлежность приводятся по источнику: ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 6882; д. 1716, л. 6; д. 18652; д. 3790; д. 350, л. 5; д. 3379; д. 3500; д. 9535; д. 3118; д. 10049, л. 39; д. 3119, л. 5.

² ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 3963, л. 23; д. 10049, л. 8.

³ Там же, д. 3376, л. 11.

войны нас переселили из Волынской губернии в д. Романовка, где мы и живем»¹.

Миграции немцев с западной части России, в том числе и волыньских немцев, в этот период были обусловлены не только малоземельем, но и реализацией аграрной реформы, а также другими причинами, в частности, революцией 1905—1907 годов и начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной².

Выбор территории Прикамья как места переселения немцев из западных губерний России также был обусловлен несколькими причинами. В отличие от переселенцев из поволжских немцев, предпочитавших жить большими компактными селениями, волыньские немцы стремились определиться на жительство рассеянно, по хуторам³. Кроме того, волыньские немцы, привыкшие ранее к сходным условиям лесного ландшафта, имели большой адаптационный потенциал, способствующий приспособлению к природно-климатическим особенностям Среднего Урала, в то время как переселенцы из степной зоны выбирали для переселения схожие с привычными им в природно-климатическом отношении степные и лесостепные территории⁴.

Предания о переселении, записанные от жителей немецких деревень, уточняют некоторые особенности формирования немецких поселений, характер самого переселения и его причины: «Бабушка рассказывала, что они раньше жили в Киеве, а потом Екатерина привезла их на поезде в Николаевку, где был один лес. Лес рубили, строили дома» (д. Нижняя Григорьевка)⁵; «Мама говорила, дед приехал из Минской губернии, лес корчевали, землю у помещика брали, помещик в Тюинске жил, деды семьями приехали, крестьянствовали, вообще немцы семьями жили» (д. Николаевка)⁶. З. К. Роман вспоминала, что родители ее мужа приехали из Белоруссии:

¹ ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 3789, л. 7.

² Костюк М. П. Немецкие миграционные движения на Волынь... С. 42.

³ Wiens H. Deutsche in Russland und in der GUS//Volk auf dem Weg. Moskau-Stuttgart, 1998. Auflage 6. S. 10.

⁴ Григорьев Д. В. Немцы Башкортостана... С. 18—19.

⁵ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

⁶ ПМА-2000; Чернушинский район, с. Трун, Либерт (Гуткнехт) Ольга Васильевна, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

«А у нас там, в Белоруссии, три деревни было немцев: Майдан, Антоновка и Новый Майдан. Одни немцы... Его родители оттуда приехали, а муж мой и после войны к родственникам туда ездил, мы там с ним и познакомились. И я сюда приехала, замуж вышла» (д. Баймурзино)¹; «Мама рассказывала, что они жили в Волыни, в Волынской губернии. Это на Украине. А потом стали их там вытеснять с Украины. Вот они с Украины подались сюда, в сторону Урала, здесь остановились. Они сами с отцом приехали сюда. Бабушка тоже. У моей мамы была фамилия Банземир, тут по-русски писали» (д. Николаевка)². В исторических преданиях, сохранившихся в немецких деревнях, разные исторические события часто уже смещены по времени, и само переселение в начале XX в. связывается с Екатериной Великой. Однако в данном случае мы к тому же наблюдаем глубину исторической памяти, сохраняющей свидетельства о наиболее значимом событии, — начале массового переселения немцев в Россию, связанного, как мы отмечали, с указом Екатерины II: «Екатерина, видимо, их какая-то завербовала. Сейчас обратно уезжают, а раньше-то сюда приезжали. С отцовской стороны, когда Екатерина властвовала, отцовские родители приехали. Николаевка-то — лес был. Вот нашли там место, рубили тут же, строили, тут же корчевали, тут же землю развозили. Вот такие разговоры-то вроде были. С материнской стороны тоже, видимо, в то же время из Германии, только не сюда, на Урал, а в Белоруссию или на Украину ли. Потом сюда тоже на Урал приехали...» (д. Николаевка)³; «Да, бабушка говорила, мы жили в Киеве. Дак Катерина, какая Катерина — не знаю, их привезла. До Кунгура они ехали на поезде, а с Кунгура на лошади. И их в Николаевку там выгрузила, в лесу, и вот говорит: «Тут основывайтесь, стройте и живите». Вот, там и лес, и дом строили, а потом земли корчевали. Все вручную ведь люди делали...» (д. Нижняя Григорьевка)⁴.

¹ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Роман Зоя Константиновна, 1926 г.р.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

В другом предании причину переезда связывают с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной: «Наши прадедушки приехали из Киевской губернии, раньше называли город Знаменка, война началась, высылали, кто как на чем ехал, маме моей было 14 лет, когда их высылали, так они на лошади ехали, ехали, говорит, и брат заболел, так на дороге и похоронили, возле трассы. Бабушки уже в живых не было, так они с отцом и ехали до Киевской губернии, а оттуда сюда» (д. Николаевка)¹.

Сохранение исторических сведений и рассказов о местах выхода и характере переселения обусловлено не только исторической близостью, но и теми факторами, что в некоторых семьях вплоть до середины XX в. сохранялись родственные связи со старой родиной, как до этого времени продолжался и приток, хотя и незначительный, переселенцев в немецкие деревни.

Итоги освоения немецкими переселенцами территории Южного Прикамья передают статистические материалы о численности хозяйств и населения в немецких поселениях в 1917 г. Как видим, немецкое население проживало в шести немецких поселениях: Николаевка Первая, Николаевка Вторая, Нижняя Григорьевка, Екатериновка, Сергеевка, Романовка; отдельные семьи обосновались также в русских деревнях Жуки и Андреевка. Общее количество немецких хозяйств насчитывалось 140 с немецким населением в 804 человека. Анализ географии расселения позволяет говорить о компактной группе немецкого населения, проживавшего в смежных поселениях. Деревни были преимущественно мононациональными, а доля немецкого населения в русских деревнях — незначительной. Такой принцип расселения позволял немцам не только сохранять основные элементы традиционной культуры, но и транслировать некоторые ее элементы на соседнее, русское население². Близость мест выхода переселенцев из соседних территорий западной части России явилась причиной формирования единого комплекса традиционной культуры в данных населенных пунктах.

¹ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² Вайман Д. И. Традиционная культура немецкого населения Южного Прикамья: межэтническое взаимодействие как фактор формирования этнокультурной специфики // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург, 2006. С. 143–145.

Таблица 1

Расселение и численность немецкого населения современных южных районов Прикамья в 1917 г.*

Район, населенный пункт	Число- хозяйств	Числен- ность населе- ния	Число- немецких хозяйств	Числен- ность немецко- гонасе- ления	Число русских хозяйств	Числен- ность русского населе- ния
Тюинская волость Бирского уезда Уфимской губернии						
1. д. Андреевка 1-я	39	189	1	9	38	180
2. д. Андреевка 2-я	36	193	4	17	32	187
3. д. Николаевка 1-я	22	159	22	159	—	—
4. д. Николаевка 2-я	38	169	37	168	1	1
5. д. Романовка (Блю- менталь)	19	92	18	89	1	3
6. д. Екатериновка	10	67	10	67		
7. д. Сергеевка 1-я	2	15	2	15		
8. д. Сергеевка 2-я	15	120	15	120		
9. д. Жуки	26	143	5	26	21	117
10. д. Нижняя Григорь- евка	26	134	26	134		
Итого:	233	1281	140	804	93	488

* Таблица составлена по данным источников: Западные башкиры по переписям 1795–1917. Уфа, 2001. С. 577–578.

Немецкое население Прикамья в этот период имело устойчивое этническое самосознание, использовало этноним *daitisch*: «Мы *daitisch* говорим, *daitisch* называли, а сейчас по-книжному — *deutsch*» (д. Жуки). В некоторых случаях при идентификации сохранялось представление и о местах прежнего проживания, что сохранялось в термине *waline Daitisch* — волынские немцы: «А так обычно говорили на нас: «*Das ist waline Daitischer*», это волынские немцы, с Волыни, дак нас так называли» (д. Николаевка).

Таким образом, в начале XX в. на территории современных южных районов Прикамья из переселенцев из западных губерний России сформировалась компактная группа немецкого населения, обладающая этническим самосознанием и комплексом этнической культуры.

1.2. НЕМЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1980-Е ГОДЫ)

В сложный период первой половины XX в. (1917–1940-е годы) в немецких поселениях протекают процессы, отражающие общие процессы социально-экономического, идеологического и политического развития страны, однако проявляются и некоторые специфические особенности.

Этнодемографическое развитие этого периода отражено в статистических материалах 1920-х годов. По данным первой советской переписи 1920 г. в Уфимской губернии насчитывается 7157 немцев. Основная масса немецкого населения Уфимской губернии проживает в Белебеевском уезде (3154 чел.). Также немцы проживают в Уфимском (2386 чел.), Бирском (881 чел.) и в Златоустовском уездах (736 чел.). По сравнению с переписью 1912 года, по Уфимской губернии мы можем наблюдать положительную динамику прироста немецкого населения, увеличение численности немцев с 5 до 7 тыс. человек¹. Однако положительный прирост населения наблюдается в основном в предреволюционные годы.

Динамику численности и расселения немцев исследуемой территории отражают материалы 1920, 1923, 1925 гг.

Материалы переписей отражают процесс существенного сокращения численности жителей в немецких населенных пунктах. В абсолютных показателях в период с 1920 по 1923 год все население перечисленных деревень сократилось с 764 до 648 человек (снижение численности населения на 15%), немецкая часть населения сократилась с 573 до 504 человек (снижение на 12%). В сравнении с материалами 1917 г. мы наблюдаем снижение численности с 804 до 648 человек (снижение на 19,4%). За 8 лет (с 1917 по 1925 г.) в деревнях компактного проживания немцев (Николаевка Первая, Николаевка Вторая, Романовка (Блюменталь), Екатериновка, Сергеевка, Нижняя Григорьевка), кроме сокращения общей численности населения, произошло сокращение общего количества хозяйств в перечисленных деревнях — с 131 до 88 хозяйств (67% хозяйств от данных переписи 1917 г.). Причины снижения связаны не толь-

¹ Григорьев Д. В. Немцы Башкортостана в конце XIX–XX вв. ... С. 17–18.

Таблица 2

Численность немецкого населения Казанчинской волости Бирского кантона Башкирской Республики*

Название кантонов, волостей, селений	По данным переписи 1920 г.		По данным 1923 г.		В том числе немцев
	Число хозяйств в 1925 г.	Всего население	В том числе немцев	Всего население	
Пос. Евгеньевка	73	—	99	78	15
Хут. Екатериновка	70	48	58	36	9
Пос. Нижне-Григорьевский	181	181	134	134	20
Пос. Николаевка 1-я	98	87	89	75	13
Пос. Николаевка 2-я	164	143	133	102	28
Хут. Романовка	72	68	58	42	12
Дер. Сергеевка	106	106	77	37	16
Всего	764	633	648	504	113

* Таблица составлена по материалам: ЦГАОО РБ, ф. 122, оп. 4, д. 156, л. 86–89.

ко с последствиями революции и Гражданской войны, но и обусловлены процессами расселения отдельных немецких семей в соседних русских деревнях и селах, миграции в города и поселки.

В 1926 г. происходит изменение административно-территориального подчинения этих территорий: немецкие поселения вместе с сопредельной территорией были переданы в состав Уральской области. Административно-территориальное деление южной части современного Пермского края не было постоянным и на протяжении XX в. постоянно изменялось. В начале XX в. земли, на которых были основаны немецкие поселения, относились к Аскинской волости Бирского уезда Уфимской губернии и граничили с Красноуфимским уездом Пермской губернии¹. Активное заселение этих территорий в начале XX в. стало причиной выделения из состава Аскинской волости самостоятельной Тюинской волости в составе Бирского уезда². После упразднения в 1922 г. Уфимской губернии и создания Башкирской Республики эти земли входили в состав Ка-

¹ Западные башкиры по переписям 1795–1917... С. 577–578.

² Там же.

занчинской волости Бирского кантона Башреспублики¹. В 1926 г., в связи с реорганизацией административно-территориального деления на юге Уральской области, часть территорий Бирского кантона Башкирской Республики, в том числе и поселения немцев, были переданы в состав Уральской области², в которой они вошли во вновь образованный Алмазовский район Кунгурского округа (деревни Романовка, Екатериновка, Сергеевка, Николаевка Первая, Николаевка Вторая) и соседний расширившийся Чернушинский район Сарапульского округа (д. Нижняя Григорьевка)³. В 1931 г. в результате укрупнения районов и объединения Алмазовского района с соседним Богородским районом был создан Щучье-Озерский район Уральской области. В 1960-е годы после очередного реформирования районов большая часть изучаемой территории оказалась в составе Октябрьского района Пермской области (в 1960 г. Щучье-Озерский район был переименован в Октябрьский), другая часть — в составе Чернушинского района Пермской области⁴. Данная административно-территориальная принадлежность сохраняется и в настоящее время.

После передачи в состав Уральской области особенности расселения и численности немцев выглядели таким образом. В 7 немецких деревнях в 1926 г. проживало 412 немцев, отдельные семьи были также отмечены в соседних русских деревнях Ашша, Жуки и Верхняя Григорьевка. Сравнивая данную статистику (см. табл. 4) с материалами расселения и численности немецкого населения современных южных районов Прикамья в 1917 г. (см. табл. 2), можно констатировать, что менее чем за десятилетие между 1917 г. и серединой 20-х годов в немецкие деревни проникает русское и эстонское население и немецкие поселения перестают быть мононациональными. Однако и немцы начинают активно селиться среди иноэтничного населения. С этого времени наблюдается значительный демографический спад немецкого населения на данной территории. Так, например, численность немцев в 7 немецких деревнях (Николаевка 1-я, Николаевка 2-я, Романовка (Блюменталь), Ека-

Таблица 3

Расселение и численность немецкого населения южных районов Прикамья во второй половине 1920-х годов.*

Район, населенный пункт	Число хозяйств	Численность населения	Среди них немцев	Вторая национальность
Алмазовский район (территория современного Октябрьского района)				
1. д. Николаевка 1-я	14	81	69	Русские
2. д. Николаевка 2-я	27	133	111	Русские
3. хут. Еске (образован в 1925 г.)	1	6	6	-
4. д. Романовка (Блюменталь)	13	60	40	Русские
5. д. Екатериновка	9	61	47	Русские
6. д. Сергеевка	16	84	39	Эстонцы
Чернушинский район				
7. д. Нижняя Григорьевка	22	119	100	Русские
Итого:	102	544	412	Русские, эстонцы

* — Таблица составлена по данным источников: Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. VI. Кунгурский округ. С. 4–9; Там же, т. IX. Сарапульский округ. С. 128–131.

териновка, Сергеевка, Нижняя Григорьевка, хутор Еске) сокращается с 743 до 412 человек.

Всего в огромной Уральской области по данным 1926 г. общая численность немцев составила 6322 человека, или 0,09% от 6 785 904 человек всего населения. Из них 4 782 человека — сельское население, 1540 — городское. Компактное расселение сельских немцев наблюдалось только в Алмазовском и Чернушинском районах¹.

Конец 1920-х — начало 1930-х годов характеризовались активизацией миграционных процессов. В этот период наблюдается приток переселенцев в немецкие деревни с территорий западной части России, с мест прежнего проживания немцев на Украине и Белоруссии. Это было вызвано как неурожаем в указанных районах, так и другими причинами. Семейные предания и документы раскрывают эти процессы: «Мама с Украины родом была, Жито-

¹ ЦДООСО, ф. 4, оп. 6, д. 466; 465, л. 354–355.

¹ ЦГАОО РБ, ф. 122, оп. 4, д. 156, л. 86–89.

² Вехи истории и жизни: Октябрьскому району 75 лет... С. 108–115.

³ Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск, 1928. Т. VI. Кунгурский округ. С. 4–9; Там же. Т. IX. Сарапульский округ. С. 128–131.

⁴ Вехи истории и жизни: Октябрьскому району 75 лет... С. 119, 173; Список населенных пунктов Пермской области. Пермь, 1968.

миральская область, деревня Майдан. Она с 1922 года, но в 1926-м что-то какое-то плохое время было, и вот у них мама умерла, и отец с детьми сюда приехали, сказали, что земли много. Деревню Найдоровку (Найдорф) они раскапывали, это по-немецки как «Новая деревня» (д. Баймурзино)¹. Наиболее массовым приток немцев был в 1933 г.: «Я родился в Минской области, д. Хатка, где проживали родители. В д. Николаевка я приехал вместе с семьей в 1933 г. к моей знакомой... Я знал ее через брата, который жил вместе со мной в д. Хатки. Из Белоруссии я выехал вследствие неурожая в 1932 г.»²; «В 1933 г. я приехал жить на Урал в Щучье-Озерский район. Переехали из-за материальной необходимости. В 1933 г. ввиду неурожая я добровольно уехал из Белоруссии в Щучье-Озерский район, так как знал, что в этом районе тоже живут немцы»³; «В БССР я проживал до 1932 г., выехал на Урал в связи с тем, что в этот год в БССР был недород хлеба. На Урале, д. Найдорф Щучье-Озерского района, у меня проживала сестра <...>, с ней я имел систематические связи, которая и рекомендовала мне переехать на Урал»⁴; «На Урал я приехал добровольно в 1933 г. из Белоруссии, где и проживал раньше и где проживают мои родственники в настоящее время. В Белоруссии я занимался сельским хозяйством. В связи с тем, что в последние три года перед моим отъездом в месте моего проживания был сильный недород хлеба и жить было очень трудно, я решил приехать на Урал в Щучье-Озерский район, где проживали родственники моей жены»⁵.

С другой стороны, наблюдался отток населения из Прикамья на Украину и в Белоруссию: «В начале февраля 1937 г. отец и мать вместе с сестрой уехали обратно на Украину, в Одесскую область, Знаменский район, с. Знаменка и поступили там в колхоз «Серп и молот». По их приглашению я выехал туда в конце февраля 1937 г. Родители выехали на Украину потому, что в 1936 г. был неурожай в Щучье-Озерском районе»⁶; «В 1937 г. из-за нехватки хлеба я вместе с семьей уехал в Одесскую область, работали там

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

² ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 3914, л. 9.

³ Там же, д. 1212, л. 9, 15.

⁴ Там же, д. 9535, л. 8 об.

⁵ Там же, д. 9677, л. 10.

⁶ Там же, ф. 643/1, оп. 1, д. 4046, л. 11.

в колхозе «Серп и молот», село Знаменка, Знаменского района Одесской области. (— Почему выехали обратно на Урал?) Нам отсюда, с Урала, писали, что опять на Урале был урожай, и мы выехали на родину в 1938 г.»¹.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов в южных районах Прикамья возникает еще одна немецкая деревня — Найдорф (уже упоминаемая выше), получившая официальное русское название Найдоровка. Разрабатывали новые земли и основывали хуторские хозяйства выходцы из старых немецких деревень: «Найдоровка строилась уже в 30-е годы, до репрессий. Из всяких деревень: из Николаевки Первой, Второй — густо же тут стало, некуда строится, вот в Найдоровку в лесу тоже поехали. Разделали, рубили тут же, строили» (д. Николаевка)².

Процесс коллективизации в немецких поселениях начался значительно позже, чем в русских деревнях округа. Главное препятствие на пути к этому — отдельные хуторские хозяйства были расположены на значительном удалении друг от друга. Кроме того, немцы, получившие право собственности на землю при переселении, активно выражали недовольство начавшимся колхозным строительством. Материалы следственных дел д. Николаевка показывают, что в 1936 г., когда встал вопрос об организации колхоза, немцы из этой деревни ездили в Москву с обращением в германское посольство, «чтобы в немецких деревнях не организовывали колхозы»³. Вплоть до второй половины 1930-х годов немецким поселениям удавалось сохранить традиционную форму расселения и ведения хозяйства. Документальные материалы и отчеты местных советских органов 1930-х годов показывают: «До сих пор в немецких деревнях Первая Николаевка, Вторая Николаевка, Сергеевка, Екатериновка, Романовка, Найдорф не организованы колхозы...» (18.10.1938)⁴; «В деревнях 1-я и 2-я Николаевка колхозов нет, и с момента коллективизации организованы не были. В этих деревнях живут единоличники, по национальности немцы» (19.10.1938)⁵. И только в конце 30-х годов немецкое население

¹ ГОПАПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 3915, л. 9.

² ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ГАПОПО, ф. 641/1, оп. 1, д. 4812/1, л. 22 об.

⁴ Там же, д. 4812/2, л. 17.

⁵ Там же, д. 4812/1, л. 9.

постепенно вступает в колхозы: «Колхозы у немцев где-то около 1938 г. стали. Я в 1936—37 гг. уехал с отцом на Украину, а приехал в 1939 г., тогда уже колхозы были. Некоторые и раньше вступали, но их немного было. Гааки в 1936 г. в колхоз вошли, немецкий колхоз имени Тельмана первым сделали» (д. Николаевка)¹. Однако главной трудностью при организации колхозов стали хуторские земельные наделы с расположенными на них разрозненно стоящими усадьбами, которые необходимо было в колхозные поля.

В 1939—1940-х годах начинается ликвидация немецких хуторских поселений и сселение жителей и перевоз усадеб в другие населенные пункты, в которых они стояли компактно, а не разбросанно, согласно уличной планировке: «Мы жили сначала в Николаевке, потом переехали в Ивановку. Ивановка — русская была деревня. Немцы жили в 1-й и 2-й Николаевке, одни немцы. Николаевка 1-я и 2-я не такие, как русские деревни, дома стояли далеко друг от друга, как хутора, а хозяйство Решке совсем далеко стояло, а в Ивановке уже все, в одну улицу поставили всех вместе...» (д. Николаевка)²; «Из Николаевки в Ивановку свезли в 39-м году. Объединили...» (д. Николаевка)³; «Я родилась в 1936 г., мы жили на хуторах. Там ни сельсовета, никого не было. В деревню переехали, 4 года мне было. В Жуки переехали. В колхоз в 39-м, в 40-м году колхозы начали делать» (д. Романовка)⁴. Сселение хуторских хозяйств было в целом характерно для территории Прикамья. К 1940 г. были ликвидированы хуторские хозяйства и в других районах региона⁵. Жители хуторских немецких деревень Николаевки 1-й и 2-й были переселены в деревню Ивановка. Немецкие хозяйства из Романовки, Екатериновки, Сергеевки были переведены в русскую деревню Жуки, где составили отдельную немецкую улицу. Немецкие усадьбы Найдоровки были перевезены в марийскую деревню Баймурзино, где также составили отдельную немецкую улицу.

¹ ПМА-2000; Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2000; Чернушинский район, с. Трун, Либерт (Гуткнехт) Ольга Васильевна, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Алмаз, Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

⁵ ПМА-1999-2007. Октябрьский, Пермский районы Пермского края.

Во время Великой Отечественной войны немецкое население южных районов Прикамья не подвергалось депортации, но находилось «под комендантом». Немцы работали в трудармии на лесозаготовках в разных районах Пермской области: «Все стали под комендантом, под комендатурой в войну. Но на месте оставили. Нельзя было за район выезжать, в Чернушку» (д. Ивановка)¹.

Изменение в расселении и динамику численности немецкого населения южных районов Прикамья отмечают статистические материалы послевоенного времени. К 1950-м годам немцы на юге Прикамья компактно проживали в 4 деревнях (д. Ивановка, д. Баймурзино, д. Жуки, д. Дмитриевка), а также дисперсно во многих деревнях округа Чернушинского и Октябрьского районов. По данным 1955 г. в 8 деревнях немцев насчитывалось 347 человек (21% от общего числа жителей этих населенных пунктов — 1655 человек). Таким образом, количество немецкого населения менее чем за 40 лет сократилось с 810 человек в 1917 г. до 347 в 1955 г., тем самым составив в процентном соотношении 42,8% от показателей 1917 г. и 84,2% от показателей конца 1920-х годов.

Уменьшение немецкого населения, несмотря на существующие запреты, ограничивающие передвижение, связано с тем, что некоторые семьи переехали в города и поселки, где во время войны работали в трудармии. Однако в этот период сохраняется и относительная компактность в расселении немцев, отдельные улицы и массивы в трех деревнях — Жуки, Ивановка и Баймурзино, и сохраняется значительная численность в районе их компактного проживания.

Во второй половине XX века усложняется этнический состав деревень. Для большинства населенных пунктов, где проживают немцы, характерен сложный смешанный состав населения. Число жителей д. Ивановка сокращается с 320 человек в начале 60-х годов XX в. до 44 человек в конце XX в. Количество немецкого населения сокращается за период конца 50-х — конца 90-х годов XX в. со 107 до 5 человек. Казалось бы, что столь значительное снижение численности немцев вполне органично вписано в общую тенденцию снижения всего населения деревни. Активность миграционным процессам добавили процессы урбанизации, что сказалось на де-

¹ ПМА-2000; Чернушинский район, с. Трун, Либерт (Гуткнехт) Ольга Васильевна, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

Расселение и численность немецкого населения южных районов Прикамья в 1955 г.*

Таблица 4

	Число хозяйств	Численность населения	Количество немецких хозяйств	Численность немецкого населения (чел.)	Прожидали совместно с немцами
Чернушинский район					
д. Ивановка	52	191	38	146	Чуваши (11 хозяйств, 39 чел.) Русские (3 хозяйства, 6 чел.)
Октябрьский район					
д. Баймурзино	55	228	20	87	Марийцы (31 хозяйство, 132 чел.) Русские (4 хозяйства, 9 чел.)
д. Жуки	—	146	14	51	Русские, эстонцы
д. Дмитриевка	—	209	6	19	Русские, татары, эстонцы
д. Туйное Озеро	—	163	2	6	Русские
д. Васильевка	—	151	1	1	Русские, марийцы, татары, эстонцы
д. Вознесенск	—	23	3	11	Русские
д. Новопетровка	—	134	1	1	Эстонцы
Ивановский лесозавод.	—	410	6	25	Удмурты, чуваши
Итого:	107	1655	91	347	

* Таблица составлена по данным похозяйственных книг 1955—1957 гг., хранящихся в Тюинской сельской администрации Октябрьского района Пермского края.

мографическом спаде, охватившем все сельское население края. Однако резкий скачок снижения численности немцев приходится на конец 50-х — начало 60-х годов XX в., когда значительная часть немцев устремляется на освоение целины. Столь активная миграция немцев в Казахстан была тесным образом связана с Указом Президиума Верховного Совета СССР 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находя-

щихся на спецпоселении»¹ и характерна не только для Прикамья, но и для немецкого населения Сибири².

Динамику численности немецкого населения во второй половине XX в. наглядно передают данные по немецкой деревне Ивановка таблицы 5.

Во второй половине 1950-х гг. значительная часть немцев уезжает в Казахстан на освоение целины. На причинах отъезда сказались многие факторы, не в последнюю очередь на этих процессах отразились ликвидация крестьянского единоличного хозяйства и сселение хуторов, произошедшие непосредственно перед началом войны, положение «под комендантом» и особый статус в военные и послевоенные годы, а также высокий миграционный потенциал немецкого населения. Воспоминания информаторов раскрывают основные мотивы, вызвавшие массовую миграцию: «После войны с нашей деревни на целину поехали. Лучше жизнь искать» (д. Ивановка)³; «Все ехали для хорошей жизни там, хвалили раньше, там лучше жили. Конечно, сначала-то, когда целина-то возродилась. У нас земли мало, а там же земли много. Хлеба давали, деньги давали, они все почти что, вся деревня уехали туда. Из Ивановки туда, в Кокчетавскую область...» (д. Ивановка)⁴; «В Казахстане хорошую жизнь искали все... Получше чтобы, полегче. Люди-то там богаче жили, а в деревне-то тут все по-бедному было — вручную все, ни машин, ни тракторов... А когда в Казахстане стали-то землю разрабатывать, дак всю технику туда и увезли. Там поля широкие, большие» (д. Жуки)⁵. На освоение целины только из одной деревни Ивановка за период с 1958 по 1969 г. вышло 16 из 31 немецкой семьи, ранее проживающих в этой деревне⁶. В похозяйственных

¹ Трагедия советских немцев в документах//Neues Leben. 1991, 14 авг. № 33. С. 7.

² Малиновский Л. В. Исторические повороты или национальная трагедия XX века // Земля Сибирская, дальневосточная. 1995. № 3—4. Спецвыпуск: «Немцы в России. В гостях? дома?...» С. 5—6.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Алмаз, Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

⁶ Архив Труновской сельской администрации Чернушинского района. Похозяйственные книги д. Ивановка 1958—60, 1961—63, 1964—69 гг.

Таблица 5

Этнический состав населения д. Ивановка и его изменения во второй половине XX в.*

Национальность	1957 г.	1961—1964 гг.	1964—1966 гг.	1967—1969 гг.	1971—1973 гг.	1973—1975 гг.	1976—1979 гг.	1980—1983 гг.	1983—1985 гг.	1986—1990 гг.	1999—2000 гг.
Русские	77	128	83	80	73	73	69	36	28	23	8
Немцы	107	84	56	20	13	13	11	10	7	6	5
Татары	1	5	5	1	1		1				
Украинцы	1									1	1
Белорусы		1	2								
Башкиры	1	5	5								
Удмурты		3	8	84	80	89	75	48	43	34	16
Марийцы		6	6						2	1	1
Чуваши	77	88	93	68	61	80	48	25	18	26	13
Всего жителей	264	320	258	253	228	255	204	119	98	91	44

* Таблица составлена по данным хозяйственных книг 1957—2000 гг., хранящихся в Труновской сельской администрации Чернушинского района Пермского края.

книгах д. Ивановка того периода нередки записи: «...выехала в сентябре 1958 г. в Акмолинскую область, Чкаловский район» (семья Ратке), «...выехала в июне 1965 г. в Кокчетавскую область» (семья Эберт), «...в апреле 1963 г. в Джамбульскую область» (семья Ратке), «...в апреле 1964 г. в Джамбульскую область» (семья Эберт). Семья Решке в январе 1960 г. выехала на целину, возвратилась в ноябре 1960 г. и выбыла уже в Кокчетавскую область 6 мая 1966 г.¹. Выезд на целину был процессом, с одной стороны, стихийным, так как ехали из одной деревни, но в разные места (несколько конечных пунктов пребывания немецких мигрантов); с другой стороны, просматриваются отдельные районы, куда выезжали группы родственников. Массовый выезд немецкого населения Южного Прикамья для освоения целины стал одной из главных причин снижения как относительной численности немецкого населения в районах их проживания, так и снижения плотности немцев в составе ино-

¹ Архив Труновской сельской администрации Чернушинского района. Хозяйственные книги д. Ивановка 1958—60, 1961—63, 1964—69 гг.

этнического населения, что привело к активным ассимиляционным процессам. Кроме того, значительно осложнились условия, способствующие сохранности этничности и основных комплексов традиционной культуры, что привело к более динамичным эволюционным и трансформационным процессам.

Советский период, формирующий «советскую идентичность», поликультурное окружение с преобладающим русским большинством, межнациональные браки способствовали скорейшим ассимиляционным процессам, что приводило не только к разрушению этнической культуры, но и к размыванию и смене этнической идентичности.

1.3. СОВРЕМЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В настоящее время в южных районах Прикамья не сохранилось ни одного поселения со значительным числом немецкого населения. Русско-немецкая деревня Жуки перестала существовать в 1980-е годы. Деревня Ивановка, где еще в послевоенное время основное население было немецким, также превратилась в русско-чувашско-удмуртскую деревню с незначительной численностью населения. Последняя немецкая семья из этой деревни в 2000 г. выехала в Германию. В д. Баймурзино с отдельной, сохранившейся и в настоящее время немецкой улицей нет ни одного жителя-немца. Последние немцы этой деревни в 1990-е годы выехали в другие населенные пункты района либо эмигрировали в Германию. На немецкой улице живут в основном марийцы. Потомки основного населения бывших немецких деревень в настоящее время живут в г. Чернушка, с. Трун и д. Козьямш Чернушинского района, пос. Щучье Озеро, пос. Октябрьский, пос. Сарс, с. Тюинск, д. Новопетровка и с. Алмаз Октябрьского района. По переписи 2002 г. численность немецкого населения в Октябрьском районе составила 50 человек, в Чернушинском — 93 человека. Значительную часть этого населения составляют потомки местного немецкого населения¹. Как видно из приведенных примеров, хотя немецкое население

¹ Национальный состав населения Пермской области. Пермь, 2005.

ние сегодня и сохраняется на территории, освоенной их предками, оно расселено дисперсно. Значительную часть составляют потомки от смешанных, преимущественно русско-немецких браков, которые не всегда сохраняют немецкую идентичность.

Миграционные процессы второй половины XX в. привели к значительному расселению немецкого населения, выходцев из пермских деревень, по другим регионам Пермского края и СССР. При том, что численность немецкого населения в Чернушинском и Октябрьском районах была незначительной, большое число выходцев из этих деревень, их родственников, проживало в г. Перми и других городах и районах Пермской области, соседней Свердловской области, а также в Казахстане. В настоящее время отмечается значительное число тех, кто проживает за пределами исторической родины, в некоторых случаях сохраняя связи с родственниками, оставшимися в районах прежнего проживания.

Этнокультурное развитие немцев в последнее десятилетие характеризовалось протеканием достаточно сложных этнических процессов. Из наиболее значимых следует указать активизировавшиеся ассимиляционные и начавшиеся миграционные процессы. Показателем активных ассимиляционных процессов, отмеченных на исследуемой территории, является значительное число межэтнических браков, утрата этнокультурных традиций. Достаточно типичным проявлением ассимиляции служит и двойственность этнического самосознания (немецко-русского), распространенного преимущественно среди молодого поколения, которое не владеет языком и основными компонентами этнической культуры. Схожие процессы характерны не только для названной группы, но и для всего немецкого населения региона и России в целом¹.

Сохранение языка, этнокультурных традиций и немецкого самосознания стало некой прерогативой старшего поколения. Также можно говорить о нарушении культурной преемственности поколений. Так, «среднее» поколение, оказавшись за границами своей

¹ Смирнова Т. Б. Немцы Сибири: Этнические процессы и этнокультурное взаимодействие. Новосибирск, 2003. С. 78; Вайман Д. И. Современные этноконфессиональные процессы и степень владения родным языком у немцев Прикамья (по результатам этносоциологического исследования) // Общественные слушания «Участие российских немцев в развитии культуры, науки и образования в прошлом и настоящем города Перми и Пермского края»: Сборник выступлений. Пермь, 2007. С. 37–45.

национальной культуры, в своем большинстве уже не смогло стать «связующим» звеном традиций¹. В вопросе сохранения немецкого языка происходит сужение как сфер его применения, так и в целом уменьшения числа людей, владеющих родным языком. Знанием родного языка пользуется незначительное количество представителей немецкого этноса. Общение в семьях происходит главным образом на русском языке, немецкая лексика употребляется лишь в некоторых случаях, как правило, при общении со старшими родственниками. Отсутствие языковой среды (книжных изданий на немецком языке, уменьшение количества людей, владеющих немецким) во многом обусловило процессы скорейшей языковой ассимиляции немцев. Немецкий язык сохраняется лишь в пассивном бытовании у старшего поколения, однако также только в тех случаях, когда сохранялась языковая среда в семье и социуме.

Степень владения родным языком и динамику языковых процессов показывают материалы полевых исследований. Владение основными компонентами родного языка продемонстрировало лишь старшее поколение, 1920–1930-х годов рождения, выросшее в хуторах и деревнях с основным немецким населением. Однако при свободном владении разговорной речью и пониманием языка они часто сталкивались с затруднением при чтении и письме, так как в советское время родной язык не преподавался: «Я до школы вообще русский не знала. Язык мы только домашний знаем. Я ни писать, ни читать не умела по-немецки, только из дому научилась что говорить... А с детьми уже по-русски. Которы дети у нас не знают ничего. Что детям нельзя было говорить, скрыто что-то от детей, по-немецки скажем» (д. Николаевка)². Отрыв от языковой среды также затруднял владение языком: «Я дома с 17 лет не жил. Не могу уже говорить. Нет, не получается уже. Понимать-то понимаю» (пос. Сарс). После сселения хуторов сфера применения родного языка значительно сузилась. На этих процессах отразились отношения к немцам и восприятие их в годы войны: «Мы как переехали

¹ Вайман Д. И. Проблемы сохранения этнической культуры в диаспоре в начале XX в. (на примере немецкого населения Прикамья) // IX Невские чтения. Материалы международной науч.-практ. конференции «Центральная и Восточная Европа: история, современное состояние и перспективы развития региона». СПб., 2007. С. 79.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Ивановка Чернушинского района.

в русскую деревню, сразу все по-русски... (— А вы-то по-немецки немного говорите?) — Нет. (— А раньше говорили?) — Ну, раньше, пока еще в русской деревне не жили, дак, может, и говорили... Ну, а мы переехали в деревню-то, дак война через год началась. Там мы боялись слово свое по-немецки сказать, чтобы кто-то услышал, что мы по-немецки говорим. Нет, везде по-русски, дак и то к нам еще придирались...» (д. Жуки)¹.

Следующее, послевоенное поколение, 1940-х — 1950-х годов, уже почти не владело и не пользовалось разговорным немецким языком, однако в некоторых случаях сохраняло понимание родной речи: «Мать с отцом по-немецки говорили, говорит с отцом по-немецки, так я понимаю. А отвечаю по-русски уже...» (д. Жуки)². Поколение 1960-х годов уже не показывает владения родным языком.

Постепенно происходит стирание неких маркеров, являющихся когда-то основными в определении этничности. Так, для старшего поколения немецкая национальная принадлежность заключается в знании родного языка, традиционной культуры, чего нельзя сказать о младшем и среднем поколении, где ощущение немецких корней происходит только через осознание общего исторического прошлого, через осознание связи с родственниками, в том числе уехавшими в Германию.

Отсутствие сильного религиозного центра (церкви с этнической окраской) на юге края способствовало скорейшей смене религиозного самосознания и отмиранию целого комплекса духовной культуры. Достаточно сложная религиозная ситуация ускорила процесс перехода на русский (православный) календарь, что привело, в свою очередь, к существенной трансформации семейной и календарной обрядности немцев южного Прикамья.

В 1990—2000-е годы по объективным и субъективным причинам не было создано условий для сохранения этнокультурной самобытности немцев этих районов или для ее возрождения. Немецкое население Октябрьского и Чернушинского районов в 1990-е и 2000-е годы оказалось в стороне и от общественного движения

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Алмаз, Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Стефан Райнгольд Иванович, 1948 г.р., родом из д. Жуки Октябрьского района.

российских немцев. Одна из причин — отсутствие связи с общественными национальными организациями городов Прикамья, в которых осуществляется комплекс мероприятий, направленных на актуализацию и сохранение немецкой культуры. Причины этому, прежде всего, только в дисперсности и сельском характере расселения, отчасти в отсутствии активной интеллигенции. Большая часть из получивших образование потомков немецких переселенцев живет за пределами названных районов.

Высокий миграционный потенциал немецкого населения, прибывшего на юг Пермского края в начале XX в., сохранился в последующие периоды и нашел свое отражение в миграции конца 1950—1960-х годов, а также в миграционной волне 1990—2000-х годов. Следует отметить то, что репатриация на историческую родину существенно ослабила «позиции» немецкого населения как на данной территории, так и в регионе в целом, сыграв значительную роль не только в численном сокращении немецкого населения.

Таким образом, на протяжении XX в. мы наблюдаем динамичные процессы развития немецкого населения южных районов Прикамья. Сформировавшись в начале XX в. на основе переселенцев из западных губерний России, расселившись компактно, составив мононациональные поселения в инокультурном окружении, немецкое население образовало компактную этнотерриториальную группу, самую северную на территории уральского региона. В этот период вплоть до середины XX в. идут процессы не только ее консолидации в условиях компактного проживания и иноэтнического окружения, но и формирование специфических черт традиционной культуры, связанных с адаптацией переселенческого комплекса традиций к новым природно-климатическим и этнокультурным условиям региона. Наиболее устойчивым развитие группы представляется именно в период первой половины XX в.

Ликвидация хуторских хозяйств и сселение немцев из хуторских поселений в деревни с иноэтническим населением в 1940-е годы нарушили компактность в расселении. Эти процессы, с одной стороны, значительно усилили межэтнические контакты, создали препятствия для естественного воспроизводства традиционных форм этнической культуры, в том числе для сохранения родного языка. Наибольшую сохранность язык и традиционная культура показывают в тех населенных пунктах, где численность немцев

была значительной (д. Ивановка Чернушинского района и д. Баймурзино Октябрьского района). На процессах разрушения традиционной культуры сказались и общие процессы урбанизации, расширения форм советской массовой культуры.

Массовые миграции на освоение целины и из сельской местности в города в 1950—1960-е годы стали основной причиной полного разрушения компактности проживания, воспроизводства и трансляции этнической культуры. Если до этого периода можно говорить о компактной этнотерриториальной группе немецкого населения и о сохранении в ней языка и комплекса традиционной культуры, то в последующем происходили процессы утраты этнической культуры как целостного комплекса и активные ассимиляционные процессы. Таким образом, во второй половине XX в. главными причинами трансформационных процессов в сфере этнической культуры и идентичности были миграционные процессы, в первую очередь оказавшие влияние на дисперсный характер расселения.

К концу XX столетия неким итогом этнокультурного развития немцев исследуемой территории явилась не только дисперсность расселения, но и существенное уменьшение численности немецкого населения, трансформация этнической культуры, ассимиляционные процессы.

Х

ОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Глава II

2.1. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Основной причиной переселения немцев на уральские земли, как мы отмечали, было малоземелье в местах прежнего проживания. На Урале предоставлялась возможность приобрести необходимое количество земли и вести полноценное земледельческое хозяйство. Установленная норма земельных участков была достаточно высока и составляла 40 десятин на двор и 12 десятин на душу¹. Реально приобретаемые земельные наделы были значительно меньше. Например, в северной части Бирского уезда средний размер хутора определялся в 17 десятин, лишь в отдельных случаях величина хуторского участка колебалась от 12 до 40 десятин². Так как все хуторские хозяйства приобретали землю, безземельных хозяйств в немецких хуторах не было³. Средние хуторские наделы в каждом поселении были примерно одинаковы: так, в д. Нижняя Григорьевка на 19 хозяйств было приобретено 209,5 десятины земли (в среднем 11 десятин на хозяйство)⁴, размер земельных наделов, согласно списку товарищества, составлял от 4 до 49 десятин⁵. Однако эти данные лишь отчасти передают реальную картину, так как часть хозяйств имели земли и в других товариществах. Во Втором Николаевском товариществе размер земли в среднем

¹ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 972, л. 1–8.

² *Смирнов Н. Ф.* Хозяйство немецких и эстонских хуторов в Белебеевском и Бирском уездах Уфимской губернии. Уфа, 1908. С. 25.

³ *Подворная* перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914. С. 250–251.

⁴ Там же.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. 336, оп. 1, д. 964, л. 1–4.

Таблица 1

Обеспеченность хозяйств земельными наделами*
(общее число и удельный вес хозяйств, %)

Товарищество	Число хозяйств	Число хозяйств с купчей землей	Кол-во земли (в дес.)	Без купчей земли	3–5 дес. купчей земли	5–10 дес. купчей земли	10–15 дес. купчей земли	15–20 дес. купчей земли	20–30 дес. купчей земли	30–40 дес. купчей земли	Свыше 40 купчей земли
Блюменталь	9/100	9	135,0	–	–	4/44,4	2/22,2	2/22,2	1/11,2	–	–
Нижне-Григорьевское	19/100	19	209,5	–	1/5,3	5/26,3	7/36,8	2/10,5	3/15,8	–	1/5,3
Николаевское 1-е	16/100	16	204,0	–	2/12,6	5/31,1	5/31,1	3/18,8	–	1/6,3	–
Николаевское 2-е	20/100	20	264,0	–	2/10,0	6/30,0	4/20,0	6/30,0	2/10,0	–	–
Сергеевское 1-е	3/100	3	50,0	–	–	–	2/66,7	1/33,3	–	–	–
Сергеевское 2-е	11/100	11	195,0	–	–	2/18,2	3/27,2	5/45,5	1/9,1	–	–

* – По материалам: Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914. С. 250–253.

колебался от 5 до 28 десятин на хозяйство, и на 20 хозяйств приходилось 264 десятины земли, что составляет 13,2 десятины на одно хозяйство¹. Обеспеченность немецких хуторских хозяйств землей показывают материалы таблицы:

Обеспеченность земельными наделами немецких поселенцев не отличалась от обеспеченности землей соседних русских крестьян, приобретавших участки и создававших товарищества, деревень Дмитриевка, Жуки, Тураевка, Тюнинская, Темная. В то же время русские, в отличие от немецких хозяев, частично использовали также арендованную землю². Существующие земельные наделы вполне удовлетворяли потребности в развитии комплексного сельскохозяйственного производства. Наличие фонда свободных земель, продажа купленной земли в товариществах обеспечивали также возможность приобретения дополнительных земельных владений, и, как показывают документы товариществ, этим пользовались отдельные хозяйства³.

Как мы отмечали, немецкие переселенцы приобретали землю в имении И. Г. Жуковского. В первое время, в начале 1900-х годов, земля покупалась по цене 18 руб. за десятину, в дальнейшем ее цена увеличилась до 30 руб., а в 1906–1907 гг. цена земли доходила до 40–50 руб. за десятину⁴. Земли приобретались с помощью Крестьянского поземельного банка с рассрочкой платежа до 50 лет.

При основании хуторов немецким поселенцам приходилось затрачивать значительные усилия, чтобы превратить неосвоенные прежде земли в пахотные. К моменту основания хуторов значительная часть земельных владений находилась под лесом и кустарником, была целинной и расчищалась самими поселенцами⁵. На приобретенной земле устраивали поля для посева зерновых и технических культур, огороды, выпасы для скота, сенокосные угодья. Количество пахотной земли увеличивалось ежегодно за счет включения в оборот вновь расчищенных угодий.

Из систем земледелия широкое распространение получило трехполье, при котором поля делились на три клина: яровое, ози-

¹ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 973.Л. 1–3; Подворная перепись... С. 250–251.

² По материалам: Подворная перепись... С. 250–253.

³ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 972, л. 1–8; Там же, д. 973, л. 1–3; Там же, д. 964, л. 1–4.

⁴ Смирнов Н. Ф. Указ. соч. С. 25.

⁵ Там же.

зависит от времени хозяйствования, она значительно больше в тех хуторских поселениях, которые основаны раньше, как например Первая и Вторая Николаевки, возникшие в 1902 г., нежели в тех, которые основаны в 1906 г., как Сергеевка, или в 1907 г., как Нижняя Григорьевка. Схожую картину мы наблюдаем и в соседних русских деревнях. Так, в д. Жуки, основанной одновременно с немецкими хуторами, в среднем на хозяйство приходилось 1,5 десятины, в то время как в д. Тюинская, основанной еще в XIX в., — 4 десятины. Как показывают материалы подворной переписи крестьянских хозяйств начала XX в., в отличие от соседних русских деревень в немецких поселениях не культивировали полбу, просо, коноплю. В немецких хозяйствах деревень Николаевка Первая и Вторая посадки картофеля, в отличие от соседних русских деревень, занимали в два раза большую площадь, в то время как в деревнях Романовка и Нижняя Григорьевка площади высадки этой культуры существенно не отличались от посадок картофеля в русских селениях¹.

Вспашку полей под яровые начинали в первых числах мая и старались закончить к середине месяца. При пахоте в качестве тягловой силы использовали лошадь. В безлошадных хозяйствах прибегали к найму лошадей для проведения пахоты: «Пахали на лошади. Нанимали, у нас своей не было» (д. Романовка)². Пахали, как отмечают информаторы, плугом, однако детально описать его конструктивные особенности они уже не смогли. При распашке целины в плуг могли запрягать и две лошади: «Здесь только пахали на лошадях, так по две лошади запрягали, если тяжело» (д. Романовка)³. После пахоты проводили бороньбу. Сеяли, как отмечают информаторы, обычно вручную, разбрасывая зерно из лукошка. Вспашку паровых земель проводили в первой половине августа, так как с этого времени уже начинали сев озимой ржи.

Жатву озимой ржи начинали в первых числах августа, после озимых убирали яровые. Уборку зерновых производили как серпами, так и косой: «Косой косили и серпами» (д. Николаевка)⁴.

¹ Подворная перепись... С. 250—253.

² ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Добрынина (Стефан) Евдокия Ивановна, 1933 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

³ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

Обычно серпами жали озимую рожь; при жатве яровых культур, овса, ячменя, а также при уборке других культур — гороха, гречи применяли косу. При косьбе зерновых к нижней части косы-литовки дополнительно крепили небольшие грабельки, «подбравшие» скошенное. «В основном косой косили низкорослые: овес, ячмень, горох, гречиху. А рожь серпом убирали» (д. Николаевка)¹; «Вот одно косили или жали серпом. Ну, чечевицу мы дергали. Горох косой косили. А рожь серпом жали, только если рожь низкая, то тоже можно косить...» (д. Нижняя Григорьевка)². Сжатые или скошенные колосья зерновых культур связывали в снопы — *die Garbe*. Для просушки снопы озимой ржи ставили на поле в суслоны. Суслоны формировали из 10—12 ржаных снопов, большую часть составляя друг с другом и одним снопом накрывая сверху: «В снопы вяжут. Поставят там сколь, суслоны называли, не знаю, по 10 снопов, что ли. Поставят кверху колосьями, а потом один сноп побольше положат сверху, как шапкой одевают. Как дождь — стекало» (д. Николаевка)³; «Снопы ставили, ставят один сноп в середине. Гарбен — снопы. Вместе поставят — это суслон. Один сноп потом разделяют, сверху как шляпу оденут на снопы, которые составят, дождь не мочит» (д. Николаевка)⁴. Яровые культуры также сушили в суслонах, однако при укладке небольших яровых снопов в суслон ставили меньшее количество снопов и сверху укладывали один или три снопа, не раздвигая, как в ржаном суслоне: «Снопы вязали. Вязку делали, маленько возьмешь, скрутишь, и нажмешь, закрутишь, и снопы. 12 снопов сделаешь, суслон посадишь. Суслон по-немецки также будет — суслон, так и есть.

А вот овес, и ячмень, и рожь по-разному суслоны ставят. Овес поменьше все равно. Рожь делаем — сноп раздвигаем, раздвигаем и положим. А овес делаем — ставим 2—3 снопа, а один наверх вот так просто кладут, не раздвигают. И пшеницу также» (д. Никола-

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

евка)¹; «Пшеница тоже, сколько снопов поставят, сверху положат 3–4 снопа, закрывают» (д. Николаевка)².

Описанные способы жатвы, приемы укладки снопов были характерны и для соседнего русского населения. Однако в соседних русских деревнях значительно реже для уборки яровых использовали косу, предпочитая выжинать серпом.

После просушки в течение нескольких дней снопы вывозили с поля, причем старались высушить и убрать до наступления дождливой погоды. До молотбы снопы размещали в специальном сарае — *die Schein*, стоявшем обычно на каждой усадьбе, где затем и производили обмолот. При большом количестве снопов их могли также размещать вблизи сарая, укладывая в скирды. Обмолот зерновых начинали после уборки, в октябре–ноябре. Немцы Прикамья сохраняли архаичный способ молотбы с помощью цепа — *die Dreschflegel*³. Для молотбы цепом снопы выкладывали на деревянный пол сарая двумя рядами, колосьями друг к другу: «Стлали пол специальный деревянный, чтобы ни земли, ничего не было, пол плотный был. Ничего не стелили на него, пол-то плотный. Выметали его, мыли... чисто все» (д. Нижняя Григорьевка)⁴; «По краям в сарае сено складывали, а в середине был пол настланный. Зерно шло на пол. Плотно был пол сделан» (д. Николаевка)⁵. Молотили обычно несколько человек, по двое и даже больше, поочередно ударяя цепом верхнюю часть снопов: «А молотили палкой... Молотило — это по-русски. А я сама молотила. Вот два человека — я успевала молотить. А три уже — я никак не могу (д. Нижняя Григорьевка)⁶.

¹ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ Цеп состоял из двух частей: первая — длинная ручка круглого сечения, к нижней части которой кожаным ремнем крепилась вторая часть, недлинная и круглая в сечении, но выполненная из дерева более твердых пород — березы, вяза.

⁴ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁶ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

Для обмолота использовали и механические молотилки. Часто молотилку покупали вскладчину несколько хозяев и поочередно проводили обмолот в своих хозяйствах: «Сколь я помню, была куплена сложная молотилка на деревню. Сложились и молотили: сегодня мне, завтра тебе. Руками молотили, но в основном молотилкой. Поменьше — горох сеяли, там маленько, чечевица была, гречиха понемногу на крупы — это уже так обрабатывали. Рожь, овес сеяли тогда на хлеб — через молотилку. Четыре лошади крутили. Также друг другу помогали» (д. Николаевка)¹; «Руками молотили, и дядя был кузнецом, так он сделал барабан, вот такие гвозди, вот как вот, примерно как кастрюля, но длиннее, и вот такие гвозди наклепал, и забивал, забивал, а тут острые. И сделал барабан, а тут сделали как две жерди, и четыре лошади ходят, и барабан крутится, и через барабан опускаем» (д. Николаевка)². Однако и в то время, когда большую часть зерновых обмолачивали на механических молотилках, старый способ ручной молотбы также продолжал применяться, так как при бытовании соломенных крыш для их покрытия требовалась «немтая» длинная солома, что достигалось только при ручном обмолоте.

После обмолота зерно вместе с мякиной — *die Spraer* — провеивали. Большая часть информаторов указывает на использование при веянии механических веялок: «Веяли веялками. Руками не веяли» (д. Николаевка)³; «Провеивали на веялке, там сито есть в веялке. Мякина, что останется — *Spraer*, скоту кормили» (д. Николаевка)⁴.

Собранное зерно мололи на водяных мельницах в окрестных русских деревнях и селах: «Ездили в Темное там, в Тую, и на Тюю там была сделана мельница как водой...» (д. Ивановка)⁵; «Мельницы были у русских, на Тюю. Тюю начинается в Чернушинском

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁵ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

районе, Тюй деревня большая, оттуда Тюй начинается. Там уже в Тюю была мельница» (д. Николаевка)¹. В немецких хуторских поселениях только в д. Николаевка, как отмечают старожилы, была своя мельница: «В Николаевке была мельница. В 38—37 году она пришла в негодность. Потом уже, после сселения, в Ивановке колхозом свою мельницу построили» (д. Николаевка)². Лишь некоторые информаторы вспоминают о бытовании в прошлом ручных мельниц, использовавшихся для приготовления круп, размол солода, в редких случаях — приготовления муки крупного помола: «Мельница у нас была на хуторе как мельница. Березовые два кружка. Кружок внизу был, набито железо там. А потом сверху был кружок. Потом тут ручка вдолблена была. А тут штырь был, надевали на этот и крутили. Так и крупу мы делали сами, и солод-от мололи» (д. Романовка)³. Наряду с полевыми зерновыми и техническими культурами, картофелем в немецких хозяйствах выращивали и другие овощи. В огородах высаживали морковь, свеклу, лук, репу, брюкву, капусту, огурцы.

Таким образом, земледелие в немецких хуторских хозяйствах развивалось в северных природно-климатических условиях региона, что определило характер организации земледельческого производства, набор высаживаемых культур и их разнообразие. Немецкое хозяйство выработало в этих условиях наиболее оптимальные формы ведения хозяйства. Именно этим фактором объясняется значительное сходство форм хозяйствования немцев с соседними народами Прикамья.

2.2. ЖИВОТНОВОДСТВО

Наряду с земледелием животноводство занимало значительное место в системе хозяйства хуторских поселенцев. В среднем

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Добрынина (Стефан) Евдокия Ивановна, 1933 г.р., родом из Романовки Октябрьского района.

хозяйстве обычно держали 1—2 лошади, 1—3 коровы, мелкий скот — овец, свиней, домашнюю птицу: «Было две коровы, лошадь была, мелкая скотина» (д. Николаевка)¹; «Пока единоличниками были, лошадь была, коровы были, не одна, а две... Коз как-то мало держали. Овец, телят, свиней — это все держали. А коз как-то мало очень» (д. Николаевка)²; «У нас три коровы было, две лошади...» (д. Нижняя Григорьевка)³. На схожий средний состав наличия скота в немецких хуторах в дореволюционный период указывают и документальные материалы. В хозяйстве семьи Брант в д. Сергеевка до революции было: 1 лошадь, 2 коровы, 3 головы мелкого скота⁴; в хозяйстве Липке в д. Романовка было: 1 лошадь и 2 коровы⁵. Более подробные и точные данные показывают материалы подворной переписи крестьянских хозяйств Бирского уезда Уфимской губернии 1910-х годов:

Из данных таблицы видна средняя обеспеченность скотом немецкого хозяйства. В среднем на одно хозяйство приходилось 0,56 лошади, 2,3 коровы, 1,9 подростков и телят, 1,8 головы мелкого скота. Как видно из приведенных данных, значительным в немецких хуторских хозяйствах было число безлошадных хозяйств, в то время как высока была численность коров.

Более подробные данные об обеспеченности скотом хозяйств показывают данные другой таблицы 4. Таблица показывает значительное число безлошадных хозяйств (они составляют почти 50% хуторских хозяйств), в то же время отмечается высокая обеспеченность крупным рогатым скотом. В сравнении с немецкими хозяйствами обеспеченность русских хозяйств соседних деревень (Жуки, Темное, Тураевка, Тюинская, Дмитриевка — 208 хозяйств) тягловым скотом выглядит более существенной: число безлошадных хозяйств в русских деревнях составляет лишь 11%⁶. В то же вре-

¹ ПМА-2006; Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дальгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

⁴ ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 14874, л. 5.

⁵ Там же, д. 3506, л. 6.

⁶ Подворная перепись... С. 250—257.

Таблица 3

Наличие скота в немецких хуторских хозяйствах*

Населенный пункт	Численность скота										
	Лошадей (голов):			Крупного рогатого скота (голов)				овец	Коз	свиней	Всего хозяйств
	жеребцов и жеребят	маток	подросков	Быков и волос	Коров и нетелей	Подросков (1-2 года)	Телят				
д. Нижняя Григорьевка	1	3	-	-	50	9	24	21	-	9	19
д. Николаевка 1-я	6	6	-	-	38	5	19	14	-	15	16
д. Николаевка 2-я	9	8	-	-	49	12	30	28	-	19	20
д. Сергеевка 1-я	-	1	-	-	5	2	3	-	-	-	3
д. Сергеевка 2-я	3	5	-	-	26	14	19	8	-	21	11
д. Блюменталь (Романовка)	-	2	-	-	13	4	8	-	-	3	9

* По материалам: Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914. С. 250—253.

русские деревни заметно уступают немецким в обеспеченности крупным рогатым скотом: число хозяйств без коров в русских деревнях составляет 7,2%, хозяйств с одной коровой — 52,4%, с двумя коровами — 29,8%, с тремя коровами и более — 10,5%. Низкую обеспеченность тягловым скотом можно объяснить не только трудностями, связанными с обустройством на новом месте, притоком в этот период новых переселенцев.

В послереволюционный период, до коллективизации в конце 1930-х годов, обеспеченность немецких хозяйств скотом существенно не изменилась. Так, в семье Абрам из д. Найдорф до революции в хозяйстве находилось: 1 лошадь, 1 корова и 3 головы мелкого скота; в 1930-е годы хозяйство имело: 1 лошадь, 2 коровы, 4 головы мелкого скота¹. Семья Еске из д. Николаевка имела до революции 1 лошадь, 1 корову, 2 головы мелкого скота; такой же состав хозяйства отмечен в послереволюционные годы². Скот в зимнее время содержался в конюшнях, в летнее — выпасался на пастбищах.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 1212, л. 5.

² Там же, д. 6882, л. 4.

Таблица 4

Обеспеченность скотом немецких хуторских хозяйств*

Населенный пункт	Число наличных хозяйств					Число наличных хозяйств				Число наличных хозяйств				Число наличных хозяйств				
	Безлошадных	С 1 рабочей лошадью	С 2 рабочими лошадьми	С 3 рабочими лошадьми	С 4 лошадьми и более	Без коров	С 1 коровой	С 2 коровами	С 3 коровами и более	Без мелкого скота	С одним мелким скотом	С одним крупным	С крупными и мелкими	Всего хозяйств				
д. Нижняя Григорьевка	15	4	—	—	—	2	6	1	10	2	—	2	15	19				
д. Николаевка 1-я	4	12	—	—	—	—	3	7	6	—	—	2	14	16				
д. Николаевка 2-я	6	11	3	—	—	—	2	9	9	—	—	4	16	20				
д. Сергеевка 1-я	2	1	—	—	—	1	1	—	1	1	—	1	1	3				
д. Сергеевка 2-я	3	8	—	—	—	1	2	4	4	1	—	—	10	11				
д. Блюменталь (Романовка)	7	2	—	—	—	1	4	3	1	1	—	2	6	9				
Итого	37	38	3	—	—	5	18	24	31	5	—	11	62	78				
%	47,4	48,7	3,8	—	—	6,4	23	30,7	39,7	6,4	—	14	79,5	100				

* По материалам: Подворная перепись крестьянского хозяйства Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа, 1914. С. 250—257.

Коллективного выпаса скота в хуторских хозяйствах не было, каждая семья сама выпасала скот на своем участке. Обычно на каждом непригодном для распашки участке земли устраивали небольшой загон для скота: «Загон у каждого свой был, мама рассказывала, что я 28 октября родилась, дак она еще утром корову в поскотину прогоняла. Вечером родила. Погода тепла была, хоть и осень. Это загоны и были... Вот тут поле, а дальше — лес. Там они загораживали, и скот там сам по себе ходит. Каждый сам по себе делал» (д. Романовка)¹; «На одной стороне нет, а тут, где лесок был, чтобы чужой скот не разбродился, он загородил. Такими жердями, чтобы скотина не расходилась, чтобы еще пастуха не держать. У нас был огорожен свой загон. Скотина паслась, чтобы не сбегала, отец загородил» (д. Николаевка)². Однако загоны для скота были устроены не в каждом хозяйстве, в некоторых скот выпасался на свободных незасеянных участках детьми: «Где оставалась земля, там и пасли. Поскотина-то была маленько. Где было огорожено, где нет. Каждый сам пас. Вот с таких лет и пасли маленькие дети. На ночь домой» (д. Николаевка)³.

Выпасть скот до посева озимых могли и на паровом поле. В ряде хозяйств скот в течение дня находился как в огороженной поскотине, так и на свободном выпасе с пастухом. В качестве пастухов также чаще всего выступали дети: «У нас скотина была только загороженная. Здесь была наша земля, и там была. Там много было коров, дак держали там их. А потом с обеда мы выпимся, дети, дак пасти сами их идем, пасем где вот место есть. Уберут поля, на поля угоним. Поскотина-то огороженная небольшая была. Если дождь, дак туда загоняли опять, где загорожено, не пасли мы в дождь» (д. Нижняя Григорьевка)⁴. В осеннее время, после проведения уборки, скот выпасали и на сжатых полях. Несколько смежных хозяйств, земли которых находились рядом друг с другом,

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Алмаз, Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

в это время могли объединить свой скот для совместного выпаса и нанять для пастьбы пастуха либо пасли сами.

Для зимнего содержания скота запасали сено. Сено начинали косить в начале июля и заканчивали к началу августа. Обычно для покосов оставляли неудобицы хуторских участков, сколки у лесных массивов. Хозяевам часто приходилось выравнивать сенокосные участки для того, чтобы косить в дальнейшем было легче: «У нас был покос — такие кочки. Он ведь все срубал эти кочки. Все равнялось. И такой покос делался хороший» (д. Нижняя Григорьевка)¹. Сено обычно скашивали косой-литовкой, механические косилки не получили распространение при хуторском хозяйстве: «Косил отец руками. У него такая литовка была большая — метровая». Сгребали сено деревянными граблями — *die Harke*: «Граблями деревянными сгребешь, волок сделаешь. Потом идешь, копнишь, за тобой подгребают граблями, копны подносили на палках — *der Trauchstecker, der Trachstock*» (д. Николаевка)². Грести сено выходила вся семья. Особенностью заготовки сена в немецких хуторах было то, что высушенное сено хозяева сразу отвозили на усадьбу, в отличие от русских крестьян, которые метали сено в стога и большей частью оставляли его на сенокосных угодьях до зимы, когда и подвозили к усадьбе: «А у нас ведь сено стогами не мечут. Не мечут. Сразу же гребли и сразу в телегу и отвозят в сарай» (д. Нижняя Григорьевка)³. Сено хранили в специальных сараях, небольшую часть укладывали на сеновалах на конюшне.

2.3. ДРУГИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Кроме основных занятий земледелием и животноводством, в немецких поселениях определенное развитие получили и другие

¹ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

хозяйственные занятия: *охота и рыболовство, сбор ягод, грибов и дикоросов, пчеловодство.*

Несмотря на наличие лесных массивов на территории Южного Прикамья, *охота* не получила широкого распространения среди немцев. Отчасти это обусловлено земледельческой направленностью хозяйства. У соседних народов Южного Прикамья охота также не имела широкого распространения, не носила промысловый характер и лишь дополняла основные занятия земледелием и животноводством. Информаторы отмечают, что при основании хуторов каждое хозяйство старалось иметь охотничье ружье, так как усадьбы стояли на значительном расстоянии друг от друга и в близости от лесных массивов. В основном ружья использовались не для охоты, а для защиты от зверя в случае, если он выходил на усадьбу. Собственно охотой занимались мало, только в отдельных семьях охотились на зайцев, лис, уток, тетеревов: «Охотились в основном на зайцев. Когда волк попадет — волка убьют. Лиса попадет — лису убьют. У каждого ружье-то было. Никаких тогда запретов не было. Сколько хочешь, столько стреляй. А зайцев было уйма. Даже смотришь — по дороге бежит по деревне. Уток, тетеревов стреляли» (д. Николаевка)¹.

Значительно большее распространение в сравнении с охотой среди немецкого населения получило *рыболовство*. Реки на территории, освоенной немецким населением, были небольшие, как правило, мелководные, лишь наличие мельничных плотин повышало уровень воды в них. Характер водоемов и определил использование средств рыбной ловли: рыболовством занимались преимущественно с берега и использовали небольшие снасти для ловли рыбы. Ловили рыбу саком: «Маленькие две речки были Трунка да Баязка. Если надо было рыбы, сак-то у каждого был. Никакого запрета тогда не было, рыбы было полно. Сак вязали мешком. Начинали вязать больше, потом уже, уже, конец завязывался. Длинная палка. На длинную палку <...> натягивался этот сак. Пустой никогда не достанешь, хоть одна рыбка да попадет...» (д. Николаевка)². Популярным способом рыболовства было установление

морд-вершей — *die Mordan*, выполненных из ивового прута: «У нас папа морды ставил летом. А сетью не ловил...» (д. Николаевка)¹; «Рыбу ловили, была морда, «мордан» по-немецки говорили. Когда мы жили, так свекр как вот сделает как стул вот, и тут вон это, вицы заплетет, вот тут завяжет, и оно за рыбой, туда рыба, а обратно она уже не может, так сделано» (д. Николаевка)². Верши устанавливали либо сами по себе, либо перегораживали неширокую реку срубленными елочками, в пространства между которыми ставили верши. Для рыбной ловли использовали и сети. На небольших реках сети не ставили, а только «бродили» рыбу небольшими бреднями. На реке Тюй, которая была самой крупной в окрестностях, для рыбной ловли использовали сети большего размера, с большими бреднями не только ходили по реке, но и устанавливали сети на лодках: «Ставили по Тюю-то, на лодках плавали, поставят сеть. Потом сеть собирают, рыба была. Собирает, в лодку сбрасывает...» (д. Николаевка)³. Используемые немцами приемы рыболовства были схожи с теми, которые бытовали и у соседнего населения. На формировании комплекса способов и приемов рыболовства у немецкого населения, скорее всего, сказались и традиции соседей, на что указывает не только общность в орудиях и способах рыбной ловли, но и заимствованная терминология для их обозначения. Продукты рыболовства использовались лишь для домашнего потребления, а само рыболовство, как и у соседнего населения Южного Прикамья (русских, татар, марийцев и др.), не носило промысловый характер.

Пчеловодство хотя и имело распространение в немецких хуторах, однако не носило всеобщий характер. Разведением пчел занимались лишь отдельные семьи. Пасеки были небольшие, ограничивались несколькими ульями, обычно до десятка. Улья — *der Bienenstock* — чаще всего выполнялись дощатыми, квадратной или прямоугольной формы, с крышкой. Они располагались, как правило, в отдаленной части усадьбы или огорода. Мед — *der Honig* — выкачивали на медогонке, выполненной на основе деревянной долбленной бочки с приводным механизмом, в который

¹ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

вставлялись соты: «Была такая центрифуга. Это бочка такая, сверху шестерня и ручка. Крутишь, мед из сот выбегает...» (д. Николаевка)¹. Нередко прибегали и к простому вырезанию сот из рамок. Мед использовался для домашнего потребления. Другие продукты пчеловодства использовались крайне редко: «Прополис раньше не знали. А в последнее время так прополис и называют, немецкого слова даже нет...» (д. Николаевка)².

Дополнительным занятием немецкого населения в летний период был также *сбор грибов, ягод и дикорастущих растений*. Из дикорастущих ягод активно собирали землянику, клубнику, смородину, малину, черемуху: «Смородину, малину, землянику. *Cheremken* — черемуха. Смородину по-русски называли. *Die Erdbeere* — земляника» (д. Николаевка)³. Из трав в пищу использовали и собирали щавель, пиканы, горькую редьку — те же растения-дикоросы, что употребляло в пищу и соседнее русское население. В тяжелые годы к ним добавлялась также лебеда, кора ильма. Для приготовления чая заготавливали липовый цвет, листья малины и смородины, мяту. Использовали лекарственные растения: мать-и-мачеху, анютины глазки, зверобой, душицу. Собирали и широко употребляли в пищу грибы.

2.4. ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Натуральный характер крестьянского хозяйства немцев Прикамья вплоть до середины XX в. определил массовое развитие домашних промыслов и ремесел, продукция которых шла исключительно для внутреннего потребления и практически никогда не выставлялась на продажу. Необходимость изготавливать орудия труда, утварь, предметы интерьера жилища, одежду способствовала сохранению и передаче из поколения в поколение техно-

логических знаний и навыков. Основными домашними промыслами и ремеслами являлись *ткачество, обработка дерева, шерсти, кожи, выделка овчин, изготовление традиционного костюма, упряжи*.

Мужскими считались занятия, связанные со строительством, обработкой древесины, изготовлением мебели, орудий труда и предметов быта, транспортных средств. О сохранении и использовании традиционных навыков строительства и обработки древесины свидетельствует тот факт, что возведение жилых и хозяйственных помещений производили своими силами, без приглашения мастеров-плотников. Широкое распространение получило производство долбленной и бондарной посуды, технологическими навыками в этом случае владел почти каждый хозяин. Изготовлением деревянной мебели, такой как кровати, столы, стулья, также занимались почти в каждом хозяйстве. В то же время шкафы под посуду, сундуки обычно делали мастера, которые часть своих изделий готовили на заказ. В каждом хозяйстве изготавливалась и большая часть необходимых орудий труда (вилы, сохи, бороны, рукоятки для кос, серпов, топоров и т. д.), транспортных средств и упряжи (сани, телеги, лыжи, хомуты, шлеи, вожжи, гужи и т. д.). Некоторыми ремесленными навыками владели только специалисты, такие как кузнецы. Свой кузнецы были в некоторых немецких хуторах. В немецких деревнях получило распространение и *мыловарение*. Мыло также готовили только для нужд собственного хозяйства.

Традиционным женским занятием была *обработка шерсти и льна, прядение и ткачество*. Уборка и обработка льна начиналась осенью: «Сеяли лен весной. Потом осенью он поспевает, дергали. До снега успевали. Тонким слоем расстилали, мочили. Потом зимой уж вывозили» (д. Николаевка)¹. После того как лен вылежит на полях, приступали к приготовлению льняной кудели: «Со льном много работы, его чесать надо сначала. Мочить сначала, сушить на берегу. Потом его трепать и чесать надо...» (д. Романовка)². Льняную кудель пряли на механической самопрялке — *das Spinnenrat*. Не-

¹ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Добрынина (Стефан) Евдокия Ивановна 1933 г.р., родом из Романовки Октябрьского района.

мецкая прялка и традиции прядения отличались от тех, что были известны русским и другим народам юга Пермского края. Немцы использовали самопрялку-лежак небольших размеров, в то время как русские предпочитали прясть на обычной прялке либо с использованием самопрялки-стояка больших размеров. При прядении немцы держали льняное волокно в руках и выдвигали нить, которую собирали на самопрялку. Русские, даже если собирали нить на самопрялку, льняную кудель все равно привязывали к обычной прялке, от которой и тянули нить. Таким же способом пряли и шерсть: «Ну, по немножко шерсть берется в руки и тянется. В руке она, а когда кончится, то снова берем. Ну, я на переделках тереблю, а потом держишь и прядешь...» (д. Нижняя Григорьевка)¹.

Сохранение традиций домашнего ткачества заметно отличает немцев Прикамья от других групп российских немцев, Поволжья и Сибири, которые чаще всего уже не использовали ткани домашнего изготовления. В Прикамье у немцев ткачество активно сохранялось до ликвидации хуторских поселений, до конца 1930-х годов. Ткали на ткацком стане, который заметно отличался от бытовавших в русских деревнях: «У нас стан какой-то огромный, большой, а у русских-то маленький. Наш шире был. Холст-то ведь вот такой, метровый ткали, а у русских-то узкий холст. И вот это вот накручивать-то куда нитки, оно повыше стояло у немцев, барабан-то» (д. Нижняя Григорьевка)². Кроме льняных тканей, немцы изготавливали полусукно, которое ткали по льняной основе, но пробрасывая по утку шерстяные нити. К технологическим приемам ткачества немецкого населения следует отнести и изготовление на станке шерстяного полотна с шерстяной нитью по основе и утку, что также не характерно для соседних русских традиций.

К женским домашним ремеслам можно отнести также другие навыки, связанные с изготовлением домашних тканей (полотенец, скатертей, простыней) и традиционного костюма, такие, как шитье и изготовление одежды, вязание, вышивка.

¹ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

Таким образом, хозяйство немецких хуторов Пермского Прикамья можно характеризовать как комплексное, в котором при ведущей роли земледелия и животноводства определенную роль играли также занятия охотой, рыболовством, сбором дикоросов, пчеловодством. Обеспеченность крестьянских хозяйств собственными земельными наделами была одной из важных причин их динамичного развития. Большое число безлошадных хозяйств в немецких хуторах, незначительность посевов зерновых, показанная подворной переписью крестьянских хозяйств начала XX в., обусловлены в первую очередь периодом адаптации немецких переселенцев к новым природно-климатическим условиям, лишь начальным этапом постепенного освоения приобретенных наделов.

Мобильность немецкого традиционного хозяйства, принесенных хозяйственных навыков показывает их высокую адаптивную способность, возможность приспособления и развития в новых природно-климатических и социальных условиях. С одной стороны, многие навыки хозяйственной деятельности сохраняли этническую специфику, как, например, способы организации посевов в земельных наделах, способы хранения сена. Однако в условиях адаптации немецкое население воспринимало навыки соседнего населения, традиционные занятия которых были более приспособлены к местной экологической системе, что в первую очередь наблюдается в таких занятиях, как земледелие, охота, рыболовство. Менее всего иноэтническое влияние прослеживается в промысловых и ремесленных занятиях немецкого населения, в ткачестве, деревообработке.

С одной стороны, немецкое население принесло и развивало более передовые навыки ведения сельского хозяйства, проявившиеся в использовании многополья, применения сельскохозяйственной техники. Однако в условиях Прикамья немецкие крестьяне вынуждены были сохранять и традиционные архаичные технологические навыки: обработку льна, прядение льняного волокна и ткачество, жатву серпом, молотью цепом и др. В сложных условиях Пермского края немецкое хуторское хозяйство, за редким исключением, было ориентировано лишь на производство продуктов для собственного потребления и почти не ориентировано на рынок.

Охота, рыболовство, пчеловодство, сбор дикоросов хотя и не играли значительную роль в хозяйственных занятиях, однако придавали мобильность традиционному хозяйству, обеспечивали

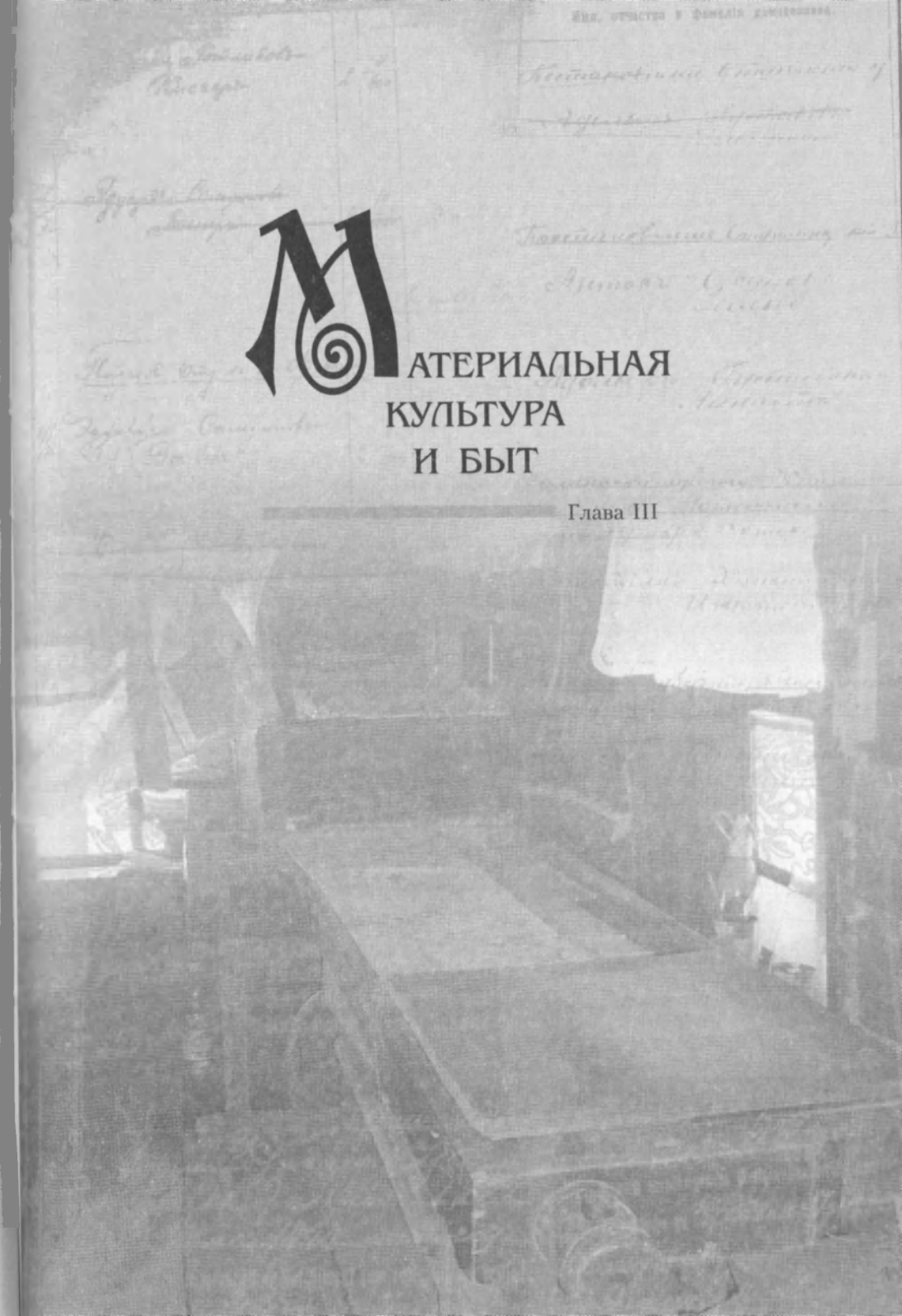
многообразие, вариативность и комплексность в условиях Уральского региона, зоны рискованного земледелия. Они были необходимы, так как добыча и обработка продуктов охоты, рыболовства, сбора дикоросов, пчеловодства не только дополняли основные хозяйственные занятия, но и способствовали сохранению навыков, которые могли быть востребованы в неурожайные годы, когда их роль и значимость возрастала. Комплексный тип хозяйственных занятий, в котором наряду с основными — земледелием и животноводством — сохранялись и другие занятия, сложился и у всех других народов региона, так как это был наиболее оптимальный вариант в условиях Пермского региона.

Традиционные сферы хозяйственных занятий в немецких поселениях сохранялись достаточно долго, вплоть до начала 1940-х годов, времени ликвидации хуторских поселений. В дальнейшем при организации колхозов часть хозяйственных занятий и навыков функционировала в коллективном хозяйстве, другая часть обеспечивала личное подворье. Однако как целостная комплексная система хуторское хозяйство было ликвидировано.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И БЫТ

Глава III

3.1. ПОСЕЛЕНИЯ

Поселения выступают важным объектом этнографического изучения, так как в них также прослеживается этническая специфика, проявляющаяся в их расположении и организации¹. На этапе формирования и освоения немецким населением юга Прикамья сформировался своеобразный, не характерный для соседнего населения тип расселения хуторами. Отдельное хуторское хозяйство представляло земельный участок со стоящей на нем усадьбой. Так как земельные наделы приобретались одновременно и коллективно, а хозяева, как мы отмечали, образовывали банковские товарищества, земельные наделы у членов одного товарищества находились смежно, т. е. граничили друг с другом. Группа хуторских хозяйств и образовывала хуторское поселение, каждое из которых имело свое название: Екатериновка, Сергеевка, Романовка, Нижняя Григорьевка, Первая Николаевка, Вторая Николаевка. Каждое поселение включало различное число хозяйств. Самым большим считалась д. Нижняя Григорьевка — здесь было 24 крестьянских хозяйства²; Вторая Николаевка в 1903 г. состояла из 22 крестьянских хозяйств³, Первая Николаевка — из 16⁴, Екатериновка — из 10⁵, Сергеевка была наиболее малочисленной и насчитывала

¹ Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 126.

² ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 964, л. 1–4.

³ Там же, д. 973, л. 1–3.

⁴ Там же, д. 972, л. 1–8;

⁵ Там же, д. 867, л. 1–2.

5 крестьянских хозяйств¹. Несмотря на то, что по организации поселения и размещению усадеб в хуторских поселениях они заметно отличались от традиционных русских деревень, в документах и в воспоминаниях жителей они названы деревнями.

Каждый хозяин располагал усадьбу на своем земельном участке, поэтому усадьбы в хуторских поселениях располагались на значительном удалении друг от друга, что отмечают информаторы как главную особенность немецких поселений: «Николаевка Первая и Вторая не такие, как русские деревни, дома стояли далеко друг от друга, как хутора...» (д. Николаевка)²; «В Николаевке редко же жили. Она километр тянулась, больше, километра два, наверно. У каждого свой участок был, так и настроено. А Вторая Николаевка рядом тянулась таким же образом. Григорьевка была еще рядом» (д. Николаевка)³; «Один дом от другого далёко жили, хуторами жили. У каждого была своя земля, у каждого свое поместье было» (д. Романовка)⁴. Однако при кажущейся бессистемности хуторских поселений они все-таки имели определенную структуру. Все поселение было организовано вдоль дороги, все хуторские участки располагались вдоль дороги, и усадьбы, как правило, ставились в непосредственной близости от дороги и выходили на нее. На эту особенность указывают и некоторые информаторы: «В Николаевке хутора были, вдоль по улице...» (д. Николаевка)⁵. В документах отмечалось, что при покупке товариществами земельных участков часть земли приобреталась для совместного пользования — эта земля предназначалась для дорог, пролагаемых между хуторскими участками⁶. Усадьбы в большей части располагались вдоль улицы, причем выходили на нее своей длинной частью: «Дома в Николаевке стояли на улице, в основном-то вдоль...» (д. Николаевка)⁷. Отдельные хо-

¹ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 1017, л. 1.

² ПМА-2006; Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Фелерт Андрей Борисович, 1937 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁶ ЦГИА РБ, ф. 336, оп. 1, д. 867, л. 1–2; Там же, ф. 336, оп. 1, д. 1017, л. 1.

⁷ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

зяйства располагались на удалении от основного поселения. Они, как правило, и получали название хуторов, хотя не считались отдельными поселениями, а входили в состав основного хуторского поселения. Так, в д. Николаевка «дома стояли далеко друг от друга, а хозяйство Решке совсем далеко стояло...» (д. Николаевка)¹.

Отдельные земельные участки каждого хозяйства, как отмечают информаторы, не были огорожены, а лишь разделялись межами: «Не огорожено было, участок, межа прошла, там другой. Редко ведь жили...» (д. Николаевка)²; «Когда единолично жили, ничего не огорожено было, ворот в деревне не было...» (д. Николаевка)³. Распределением земли на хуторском участке занимался каждый хозяин, выпас скота производили на своем же участке, поэтому, как уже указывалось, в немецких поселениях не было общих выгонов для пастбы скота.

Общественных зданий в немецких поселениях Прикамья не было. Только в д. Нижняя Григорьевка отмечали, что недалеко от одной из усадеб стоял общий амбар, в который коллективно ссыпали семенное зерно, «чтобы хранить эти семена. Кто ссыпал, вот они по очереди его охраняли этот амбар...» (д. Нижняя Григорьевка)⁴.

Отдельно в каждом немецком поселении, как правило, устраивали и свое кладбище.

Немецкие хутора в Южном Прикамье были привязаны к выкупленным земельным наделам, поэтому при организации поселений не учитывались другие особенности местности, что, в частности, сказалось на проблемах с водоснабжением хуторских поселений. Одной из причин такого положения явилось нахождение этих земель на водоразделе между реками Атер и Туюй, входящих в бассейн р. Белой. Расположение немецких поселений непосредственно на земельных угодьях явилось их главным отличием от русских де-

¹ ПМА-2006; Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дальгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

ревень, при создании которых определяющее значение имела ориентация на водные источники. В каждом хуторском поселении была выработана своя система обеспечения водой. В д. Екатериновка, расположенной вдоль дороги, вдалеке от каких-либо водных источников, воду возили бочками на лошадях из лесных озер: «Катериновские-то на озера ездили с бочками, на лошадях, лошади у них были...» (д. Романовка)¹. В д. Романовка воду брали из небольшой речки Мизячка, протекающей у деревни, чаще всего также возили ее в бочках. Однако в летний период, особенно в засушливое лето, река пересыхала, и жители вынуждены были возить воду из более дальних источников: «В Романовке тут Мизячка протекает. Не то что как река. Она весной... снег бежит — она бежит. А потом в ямах вода немного остается. А летом, если дожди, она снова бежит...» (д. Романовка)²; «Рядом не речушка, а Мизячкой называли, бежала. Весной она разливалась, а летом только в ямах вода была кое-где. Вот ее и пили. Мягкая вода была так-то, вкусная, токо ма-ло ее было. Весной разливалась она, даже щучки заходили. Там воду брали, а колодцев у нас не было. В Екатериновке тоже не было колодцев, там и речка далеко была... река пересохнет, но не везде, в ямах глубоких оставалась вода. Лошадь запрягали, бочку, и возили оттуда. Ее летом цедили только, как не цедить, там кого только нет, всякие головастики плавают...» (д. Романовка)³. Некоторые хозяйства прибегали к сооружению летних «верховых колодцев»: выкапывали небольшую и широкую яму, укрепляя глиной дно и стенки, чтобы они не пропускали воду. В таких колодцах весной собиралась вода от таяния снега, ее и использовали в хозяйственных целях. В зимнее время часто растапливали снег, полученную талую воду использовали в хозяйственных нуждах и для приготовления корма скоту: «Мать снегу натаскает полну бочку, я принесу воду, туда вылью на снег, и она растает, чтобы скотину накормить...» (д. Романовка)⁴; «Чтобы воду далеко не таскать, снег все таскали

в огороде в большую бочку» (д. Романовка). Строительство колодцев в этих хуторах было невозможно, так как вода залегала слишком глубоко и была низкого качества, со значительной примесью извести. Проблема с водоснабжением существовала и во вновь возникшей деревне Найдоровка, где также не было колодцев, а воду возили с лесных речек и родников, и в д. Баймурзино: «Нет, мы воду носили из леса. Летом отец возил из родника, из Найдоровки. Далековато, правда, наверное, километра три...» (д. Баймурзино)¹. Проблема с водоснабжением по этим же причинам характерна и для современных населенных пунктов этих территорий, деревень Новопетровка, Баймурзино, Тюинск, пос. Щучье Озеро.

В других немецких хуторских поселениях основным источником водоснабжения были колодцы. «На колодцах» стояли деревни Сергеевка, Первая и Вторая Николаевка, Нижняя Григорьевка, в которых проблема обеспечения водой, в отличие от других поселений, не существовала: «В Сергеевке были колодцы...» (д. Сергеевка); «Воду из колодцев брали. В Николаевке колодцы были глубокие, метров десять, это самое глубокое...» (д. Николаевка)². Колодец на усадьбе по возможности старался иметь каждый домохозяин.

Хуторская система расселения, как мы отмечали, была ликвидирована во время коллективизации. Изменение традиционной системы хуторского расселения привело к изменению организации немецких поселений. Во-первых, на смену мононациональным немецким хуторским поселениям, с незначительным процентом жителей другой национальности, пришли смешанные в этническом отношении населенные пункты. В новых населенных пунктах, куда были сселены жители немецких хуторов, были образованы «немецкие улицы». Состав населения в немецких улицах был мононациональным. «Немецкие улицы» появились в русской деревне Жуки, марийской деревне Баймурзино. В д. Баймурзино «немецкая улица» шла перпендикулярно улице с марийским населением. Отдельной улицы не появилось в д. Ивановка, так как при сселении были соединены русская деревня Ивановка и часть немецкой де-

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Алмаз, Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Фелерт Андрей Борисович, 1937 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Добрынина (Стефан) Евдокия Ивановна, 1933 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Алмаз, Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

ревни Вторая Николаевка под общим названием Ивановка. Расстояние между деревнями и большие свободные пространства между усадьбами во Второй Николаевке были застроены перевезенными усадьбами. Информаторы отмечали, что часть улицы, располагавшейся во Второй Николаевке, долгое время носила название Николаевской (д. Ивановка)¹.

Для «немецких улиц» была характерна уличная планировка, отдельные усадьбы ставились на небольшом расстоянии друг от друга по обеим сторонам улицы. До настоящего времени «немецкая» улица сохраняется в д. Баймурзино (см. приложение). Из 12 сохранившихся немецких усадеб деревни значительная их часть обращена к улице длинной стороной и лишь одна из усадеб поставлена к улице торцом. Такое расположение усадеб информаторы объясняют не столько следованием правилам и обычаям, сколько учетом розы ветров в зимнее время. При таком расположении усадеб исключается значительная заснеженность крыш построек и усадьбы в целом.

Таким образом, в условиях ликвидации хуторского расселения и формирования «немецких» улиц в иноэтнических поселениях сохранялась компактность в расселении и некоторые особенности в расположении немецких усадебных комплексов.

3.2. УСАДЬБА И ЖИЛИЩЕ

Усадьба немцев Прикамья представляла собой единый комплекс, включавший в себя жилой дом и хозяйственные постройки, при хуторском расселении — и земельный надел, а позднее и приусадебный участок. Как правило, усадьба имела вытянутую прямоугольную форму и длинной стороной была обращена на улицу. Усадебный комплекс у немцев был закрытый, жилище и хозяйственные постройки ставились под одной крышей друг за другом. Такой однорядный тип планировки усадьбы в форме вытянутого прямоугольника является одним из наиболее распространенных

типов усадьбы у немцев западных губерний России¹. Несомненно, этот тип усадьбы был перенесен переселенцами и прижился на вновь осваиваемых землях. При исследовании немецких усадеб в д. Баймурзино Октябрьского района к данной планировке относится 11 из 12 обследованных усадеб. Единичны другие типы усадебных комплексов, на формировании которых, скорее всего, сказались особенности взаимодействия с соседним населением. Усадьба семьи Гуткнехт в д. Баймурзино имеет трехрядную планировку, выполнена «на три коня»; усадьба семьи Либерт в с. Трун имеет открытый двор и отдельно стоящие хозяйственные постройки, поставленные параллельно жилому дому.

Вход в усадьбу обычно находился на длинной боковой стороне. В большинстве усадеб на боковой стороне находились и ворота для въезда, и дверь для входа во двор. В некоторых случаях вход в дом оформлялся в виде закрытого крыльца-веранды. Внутри усадьбы также существовала определенная традиция в планировке. Одну часть усадьбы занимали жилые помещения, располагался дом, за которым следовал двор, за двором в противоположной части располагались хозяйственные помещения, в основном конюшни для скота. Дополнительно под одной крышей могли размещать также небольшой амбар, колодец, сарай, другие вспомогательные службы. В более позднее время усадебный комплекс усложняется за счет разнообразных пристроенных хозяйственных служб, выходящих за основную линию усадьбы, таких как сарай для дров и хранения хозяйственного инвентаря, небольшие зимние выгоны для скота и пр.

На определенном расстоянии от основной части усадьбы размещались другие хозяйственные постройки. Среди них непременно на каждой усадьбе ставились амбары, имевшие русское название «амбар»: «Сейчас нет таких амбаров. Рубленный отдельно стоял амбар, где хлеб хранился. Просто как дом рубленный. Я знаю, что у нас амбар был большой» (д. Николаевка)². При хуторском расселении на значительном удалении от дома ставились сараи для хранения сена и молотбы зерна — *die Schein*. Немцы не хра-

¹ Малиновский Л. В. Жилище немцев-колонистов в Сибири // Советская этнография. 1968. № 3. С. 97–105.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

¹ ПМА-2000; Чернушинский район, д. Ивановка, Ратке (Чуракова) Александра Петровна, 1930 г.р.

нили сено в стогах, а после сенокоса убирали его в сенные сараи, в которых также производили обмолот зерновых: «Сараи большие молотильные были. По краям сено складывали, а в середине был пол наслатый, для молотилки, это зерно шло на пол. Барабан молотильный стоял...» (д. Николаевка)¹; «Сарай большой — *Schein*. Когда уборка идет, молотили там снопы, вязали хлеб. Соломорезка у нас стояла в «шайне». Когда уберут хлеба, солому туда, сено туда, хранили. Все домой возили солому и сено, не ставили стогами. «Шайна» большая была. Конюшни большие были...» (д. Николаевка)². Типичным для немецких поселений было размещение за основным усадебным комплексом мастерских, так как во многих хозяйствах занимались деревообработкой, столярным и плотницким делом. Нередко отдельное помещение строили для копчения мяса и мясопродуктов. Для хранения скоропортящихся продуктов в летний период и, наоборот, для хранения овощей зимой на отдельных усадьбах ставились также погребы-ледники: «Ледник был на усадьбе, *Der Unter* — только знаю, так называли» (д. Нижняя Григорьевка)³.

Появление бани на немецкой усадьбе связано с заимствованием этой хозяйственной постройки у соседнего русского населения.

При хуторском расселении усадебный комплекс обычно не огораживался, в то время как позднее, при сселении хуторов, стал обноситься изгородью из жердей или забором.

Основным строительным материалом служило дерево. В основном в строительстве использовали ель, реже сосну. В исключительных случаях хозяйственные постройки делали из осины. Постройки, как правило, были срубные. Для строительства хозяйственных построек использовали обычные бревна несколько меньшей толщины, чем при строительстве дома, а иногда — тонкие бревна или вершины деревьев. Заготавливали бревна обычно в зимнее время, считалось, что в это время они более крепкие. Венцы рубили способом «в угол». Нередко при возведении хозяйственных пост-

роек применяли заплотную технику. Для этого в землю вкапывали столбы с пазами, в которые закрепляли концы бревен. Многие хозяйственные постройки — гумна, навесы и др. — строили с применением столбовых конструкций. В этом случае в землю вкапывали столбы, сверху они скреплялись поперечинами, на которых крепились стропила крыши. Стены обшивались жердями, тесом или закрывались соломой.

Дома и хозяйственные постройки ставили на камни, но иногда вместо них использовали обожженные деревянные чурбаки, которые вкапывали в землю на месте углов: «В Ивановке, в Николаевке камней не было, глина. Дом повыше поставят, обжигали чурбаки толстые, закапывали в землю, потом чурбаками кругом выкладывалось. Вставки между чурбаками кололи, забивали эти все отверстия по возможности и заваливали землей. Просто обжигали под углы. Если пятистенный дом, на угол, по середине, и там, на шести чурбаках. Поднимали и ставили...» (д. Николаевка)¹. Некоторые дома и хозяйственные постройки не имели фундамента, нижние венцы укладывали прямо на землю. При строительстве жилых помещений и хлебов для скота в пазы между бревен укладывали мох, позднее широко применяли льняное необработанное волокно — паклю.

Крыши жилых и хозяйственных построек имели преимущественно стропильную конструкцию. Традиционным было покрытие усадебного комплекса соломенной крышей: «У нас соломой все было закрыто. И дом, и всё, все постройки» (д. Николаевка)². Долгое время сохранялась и особая технология укладки соломенных снопов на крышу: «Крышу крыли соломой. Привязывали. Специально молотили, рожь не через барабан молотилки пускали, а специальной палкой длинной, а на конце короткая. Специально молотили для крыш солому, чтобы она была целая. И вязали небольшими снопочками. Нижний ряд комлями вниз чтобы было. Потом снопы, снизу начиналось, все это привязывалось, все закрывалось, крыши стояли, не меньше досок терпели...» (д. Николаевка)³. Кроме соломы иногда использовали и кору липы — луб: «Потом лубка-

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Красноперова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

ми. Осенью, весной замочат липу. В воду кладут, мочало сдерут, она вымокнет, и лубки-то собирали. Ограды делали. Дак это чтобы из дому-то в конюшню ходить, снегу чтоб не было, сбоку — жерди, сверху — лубки наложат. Вот так временно ее и сделают, к весне уберут это все» (д. Жуки)¹. Постепенно на смену соломенным крышам приходят крыши, выполненные из теса, которыми сначала стали закрывать жилые, а затем и хозяйственные постройки.

В начале XX в. распространенным было двухкамерное жилище, состоящее из жилого помещения и сеней (изба—сени). Сени представляли собой дощаной, но чаще всего бревенчатый придел к основному сруб. Наиболее распространенным и доминирующим следует считать срубное жилище, разделенное внутри капитальной стеной, — пятистенки.

Таким образом, усадебный комплекс немецкого населения южных районов Прикамья складывался под влиянием тех традиций, которые были принесены переселенцами с Волыни. Природно-климатические и этнокультурные условия Прикамья привели к появлению лишь некоторых инноваций в традиционном усадебном комплексе. Выявленные нами особенности усадебного комплекса немцев заметно отличают его от усадеб соседнего русского², татарского и марийского населения, у которых преобладали открытые дворы и несколько иной набор хозяйственных построек.

3.3. ИНТЕРЬЕР ЖИЛИЩА

Внутренняя планировка и убранство немецкого жилища значительно отличались от интерьера жилища соседних народов Прикамья. Стены — *die Wand* — в домах во внутренней части были заштукатурены: «Стены внутри замажут глиной и белят...» (д. Ни-

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, информация о немецкой улице в д. Жуки.

² В то же время устойчивость одноэтажному типу планировки усадеб у немецкого населения, видимо, придавало распространение, наряду с открытой усадьбой, и схожего типа планировки у русского населения соседних деревень, «вятских», выходцев с территории соседней Вятской губернии.

колаевка)¹, «Сколько вот я у русских помню, у них обчесаны бревна, и они мыли стены, а мы белили, штукатурили. Даже, я помню, маленькая еще была, в старом доме, и то там, даже если бревнами, там все эти пазы замазаны, белены. А потом уже штукатурено» (д. Баймурзино)². Потолки — *die Decke* — также были обычно побелены. Пол в доме был дощатый, деревянный, некрашенный. В субботные дни во время уборки в доме полы мыли и чистили особо: «Пол был некрашенный. Его золой мыли, по субботам» (д. Николаевка)³; «Потолок и стены всегда белили, полы не крашены были, их золой шоркали. Промываешь, будь здоров, оно даже желтое делается. Голлик такой, веник... и пошел. Золой посыпают. Даже терочку делали. Такая сетка была мелкая, в несколько слоев сложат, терочку такую металлическую, даже этой терочкой терли пол» (д. Николаевка)⁴.

Типичным для немецкого населения Пермского края было разделение внутренней планировки дома на несколько функциональных зон, разделенных между собою — кухню, прихожую и зал: «У нас три комнаты было. Я даже не вспомню, чтобы были какие-то спальни, была одна комната большая, одна прихожая и кухня (д. Баймурзино)⁵.

Центральное место в доме занимала печь — *der Ofen*, — расположение которой и определяло разделение дома на функциональные зоны. Печь состояла из нескольких конструктивных элементов. На кухне размещалась основная часть печи, с «русской печью» для выпечки хлеба и подтопком — камином. Русскую печь использовали только для выпечки хлеба, а другую пищу варили в котлах на плите камина. От камина, кроме того, в зал были проведены дымоходы в виде прямоугольной длинной стены, которая получила название *der Warneofen* («теплая» печь), *die Warmewand* («теплая стенка»): «Была печь такая. Дома же большие были, двухкомнатные,

¹ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

³ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Ивановка Чернушинского района.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

пятитенные. На кухне стояла русская печь, плита. Плита топилась, через стенку, там стояла просто печь, просто, ну, была там плита обложена, духовку дельвали, но так на ей ничего не варили, не готовили, просто для тепла она была, кирпич, допустим. Она неширокая была, высоковат, дымоход шел. На кухне топится, мать там варит, готовит, а там обогревается. Не знаю, у нас в печи ничего не варили, плита специально была...» (д. Николаевка)¹; «У нас всегда была печка и тут стенка, от которой большая комната. Русская печка была, конечно, от нее теплая стенка, дым сюда идет в теплую стенку, теплая стенка всегда теплая» (д. Баймурзино)².

Справа или слева от входа, в зависимости от расположения печи и непосредственно примыкая к русской печи и подтопку-камину, располагалась кухня — *die Küche*. На кухне стоял обеденный стол, рядом с печью хранился печной инвентарь, утварь, необходимая для приготовления пищи, а также бочки с водой. Нередко на кухне располагался и навесной или напольный шкаф — *der Schrank* — для хранения столовой посуды. «На кухне шкаф был, деревянный такой резной, красивый. Все ложки, вилки ставили» (д. Баймурзино)³; «*Schrank*, для посуды внизу так, как дверчики были такие, полочки там были, там хлеб хранился, сахар, мед...» (д. Николаевка)⁴. Своеобразным было размещение ложек в кухонном шкафу, в верхней части которого в полках сбоку были сделаны небольшие отверстия, в которые вставлялись ложки. За ложками располагалась посуда. Аккуратно и красиво расставленная посуда, как и расположенные в отверстиях ложки, были видны в стеклянные дверцы шкафа и являлись особой гордостью хозяйки.

Непосредственно к входу примыкала небольшая прихожая. В прихожей обычно располагали сундуки для хранения одежды, здесь же ставили небольшие деревянные диваны. Зал — *der Saale*, основная часть жилого помещения, был отделен от кухни и прихожей дощатой заборкой. В зале находились кровати, располагались сундуки и шкафы-гардеробы для хранения одежды, буфеты с посу-

дой. В центре зала ставили также обычно большой стол, накрытый скатертью — *die Tischdecke*.

Интерьер немецкого дома сложно представить без резной деревянной мебели. Шкафы, сундуки, кровати, столы обычно были изготовлены местными мастерами, лишь изредка мебель приобреталась на стороне. Выполненная деревенскими умельцами мебель сохраняла традиционный характер и придавала этнический колорит немецкому жилищу. Сундуки — *die Kästen* — предназначались преимущественно для хранения одежды: «Одежду в сундуках хранили. Покрашенный снаружи. Все самодельное. Мы поженились, нам еще делали. У нас еще самодельная койка была и самодельный сундук был. Когда мы поженились, нам сделали на подарок два стула...» (д. Ивановка)¹. Диваны — *das Kanape*, получившие распространение в немецком интерьере, были двух видов: на ножках со спинкой либо с дополнительным ящиком в нижней части, который использовали для хранения постельных принадлежностей: «*Kanape* и у нас был. Такой же, как диван, только спинка была деревянная. И открывался крышкой, как сундук. Длинный, двухметровый. На нем не спали, в основном только сидели. И если в сундуках хранили одежду, то в таких диванах хранили постельное белье. Портяное белье, простыни» (д. Ивановка)². Как отмечают информаторы, под диваном обычно было и место для хранения рубеля — *das Mannerholz*, предмета быта в виде прямоугольного бруска, на одной из сторон которого сделаны зигзагообразные насечки: «*Mannerholz* из дерева... Одно круглое было, накрутишь белье на него, а второе было длинное с ручкой такой. Как стиральная доска, нарезное. Нажимали и катали. Помню, у нас этот *Mannerholz* всегда там лежал, под канопеем» (д. Николаевка)³.

Спали обычно на деревянных кроватях, расположенных, как правило, в центральной комнате. Кровати были с широкими бортами по сторонам. В качестве подстилки использовалась солома, сверху которой стелилась холщовая простынь; закрывались самотканым одеялом: «На деревянной кровати спали, по бокам

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

³ Там же, она же.

⁴ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Ивановка Чернушинского района.

¹ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дальгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

доски были. Матрасов не было. Туда в кровать солому накладывают, простынь из льна натканную постеляют, закрывали и все, спали. Одеяло ткали тоже сами...» (д. Николаевка)¹; «Мы выросли на соломе, в наше время, когда мы росли, мы на соломе спали. Портяная простынь была — *Strohlaken*. Просто клали солому на деревянной койке, сверху тканая полотняная простынь была. *Strohlaken* просто назывался. А сверху перовая подушка — *Federkessen*. На полу никто у нас не спал» (д. Николаевка)²; «Деревянная кровать сколочена вот так, тут четыре ножки, вот такая доска. И тут соломы наложат и простым портяным прикроют, и так спать. А солому просто так насыпали, сверху простынь..., ну, подушки были, их из пера делали, а закрывались портяным одеялом, тут вот, как половики, и на ночь сверху портяным закроют, и так укрывались (д. Николаевка)³. Нередко простынь, которой накрывали солому, делали из грубого холста: «Выткнут, как половики сошьют, и даже на кровати постелят, как простынь, и все. Называли по-немецки *Klunkerdecke*...» (д. Николаевка)⁴. Вместо соломы в качестве подстилки использовали и сухую осоку.

Особым искусством считалось умение женщины застилать кровати. Постельное белье старались украсить вышивкой и кружевами, подушки ставили горкой поверх покрывала.

Характерной чертой декора интерьера немецкого жилища было использование цветных рисованных картинок — *der Spruch*, развешиваемых в рамках вдоль стен в зале. Семейные фотографии, вставленные в рамки и развешанные по стенам в советское время, также стали типичным элементом интерьера: «Стены все увешаны были, картинки, фотографии всякие» (д. Николаевка)⁵; «Фотографии вешали, рисунки тоже вешали, ангелы были разные...» (д. Николаевка)⁶. Распространены в немецких поселениях были также

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ Там же, она же.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁶ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

и комнатные растения, имеющиеся почти в каждом доме: «Цветы на окошках всегда стояли, отец сколотит ящичек, земли насыпет...» (д. Николаевка)¹; «Цветы держали всегда. Фикус у нас был. Герани держали. *Berke* — березка. Она высокая растет, как роза, только листья меньше. *Focks*, говорили, мелкие листочки и колокольчиками цвел. Еще ванька-мокрый тоже был у нас» (д. Ивановка)².

Таким образом, интерьер традиционного немецкого жилища достаточно долго сохранял яркую этническую специфику, проявлявшуюся как в планировке жилого помещения, так и в наборе предметов мебели, использовавшихся для обустройства интерьера.

3.4. ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА

Транспортными средствами в немецких хуторских поселениях Прикамья были сани и телеги. Основным хозяйственным транспортным средством была «немецкая телега» — *der Wagen*, которая по своим конструктивным особенностям заметно отличалась от телег соседнего русского, татарского и марийского населения: «У русских телега была как площадка. А у немцев была из досок сделана, как ящик. Они удобные были, они раскладывались, вот для сена возить. Он большой был, накладывался. Они удобные. И мешки носить. Она расстегалась, палки были сделаны, в длину расстегалась. Она делалась длиннее, ставились как лестницы такие. И вот возили как скирды большие, стога. Даже русские на них ездили» (д. Романовка)³; «Русские телеги как площадка сделанная. У нас в Ивановке бока — доски широкие ставились, низ, и все это застилалось. А в Баймурзино — там телеги у них ящиком сделаны были. Допустим, сено возить, это убирали ее, она раздвижная была телега, вставлялось другое, растягивали, и сено возили

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Фелерт Андрей Борисович, 1937 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

там, сколь лошадь увезет» (д. Николаевка)¹. В немецких деревнях неоднократно подчеркивали удобство для езды и хозяйственного использования немецкой телеги: «Русские телеги — они другие. А у нас-то ведь так и по краям так, что сидишь, как на скамейке едешь, это очень удобно. Они так немножко наискосок идут. Если ты хочешь садиться, этот край кладешь, этот вот так. Лошадь спереди. Ноги опускаются очень удобно. И вот садишься. Нагрузить опять этот край, доски поднимаешь, и получается целая фура такая. Она в наклон, в ней очень удобно сидеть. В колхозе работали в детстве на сенокосе, мы ездили на этих телегах, на них удобно ездить. У русских спереди есть бревно, когда как садишься, эти места всегда как-то давит, это всегда было не очень удобно. А вот у немецких такого уже не было» (д. Баймурзино)². В немецких деревнях прижились также и русские телеги.

Для переездов в летнее время использовались легкие тарантасы на основе русской телеги. На тележную основу укрепляли плетеный из ивовых прутьев или лыка короб. На передке у тарантасов иногда устраивали и место для «кучера»: «Тарантас четырехколесный. Телега жесткая, а тарантас из круглых деревяшек круглых — основа, сверху плетеное из виц, как диван, кресло. На два человека. Спереди сиденье, а тут сидят. А все боковое из виц» (д. Николаевка)³. «У нас, я вот помню, родители в Ивановку ездили на свадьбу на лошаде, там тарантасы плетеные, я вот запомнила, и у нас в деревне были» (д. Баймурзино)⁴. Некоторые информаторы определенно высказывались о русском происхождении этого транспортного средства: «Это все русское было. Это начальство ездит на тарантасах. Потом, я помню, были эти тарантасы, не в далеком прошлом это было» (д. Романовка)⁵. В зимнее время использовали сани — *der Schlitten* — двух видов, прямые дровни и розвальни:

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

³ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюнинск, Фелерт Андрей Борисович, 1937 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

«Розвалы — так возить, на мельницу съездить, мешки грузить. А дровни — дрова возить, сено. Специально там делались крылья такие, пошире» (д. Николаевка)¹. Для выездов в зимнее время во многих состоятельных семьях были кошевки: «В гости кошева была. Мать отвозила брата, и вот она обратно ехала, лошадь задурела че-то, и она разбила эту кошеву» (д. Романовка)².

В полозовые и колесные транспортные средства запрягали лошадей: «Лошадь заводят в оглобли. Это туда две палки. Потом от них, называются тяжи, это железные такие крючья, тут гайки, значит, эти тяжи входят к этим, к колесам, а то телега, она туда уйдет и туда уйдет, она же шарнирно сделана. И вот лошадь запрягают. Тут гужи на хомуте, застегивают, дуга. Хомуты привязанные, такие примерно длинные, как петли сделанные. Дуга — это гнутая такая из палки. Лошадь, когда ловят, узда. Потом хомут, седелко одевают. Седелко — это чтобы поднять, не давило на конец-то, на спине чтоб держало, поднимают, и чтоб легче ей везти было. Потом вожжи, вожжи — это чтобы рулить лошадь. *Leine* — вожжи. Запрягать — *einspannen*» (д. Романовка)³. Для обозначения упряжи использовали как немецкие, так и заимствованные русские термины: оглобли — *die Oglobel* («Оглобли — *die Oglobel* так они и есть» (д. Николаевка)⁴); задняя и передняя часть телеги — *der Hinterwandler* и *der Vorwandler*; узда — *der Zaum*; седелко — *der Sattel*, вожжи — *die Leine*. Хомут, дуга, супонь, гужи имели русские названия.

3.5. ОДЕЖДА

Из всех компонентов материальной культуры традиционный костюм сохранил лишь некоторые яркие этнические черты. Для изготовления одежды использовались как ткани домашне-

¹ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюнинск, Фелерт Андрей Борисович, 1937 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

³ Там же, он же.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

го производства, так и покупные. Из домашних тканей наиболее популярными были шерстяное сукно и домашний льняной холст, преимущественно однотонных расцветок. Широкое распространение покупных фабричных тканей, городских форм костюма привело к тому, что многие элементы костюма перестали восприниматься как этнические: «А мы все по-русски носили» (д. Николаевка)¹; «Раньше русские, немцы почти что одинаково, ну разве что чуваша, они оборки пришивали больше. А так русские и немцы одинаково...» (д. Николаевка)².

Мужской костюм менее всего сохранил этническую специфику и представляется наиболее близким городским формам. Основу мужского костюма составляли рубаха и брюки, рубаха при этом обязательно заправлялась в брюки. Верхней летней одеждой мужчин служил пиджак. Этническая специфика в женском костюме проявлялась прежде всего в обрядовой одежде и одежде старшего поколения. Основу женского костюма составляли рубаха и юбка: «У нас мама платье не носила, все юбка и кофта, фартук носила...» (д. Романовка)³; «Я даже платье не знаю. У мамы были там всякие белые блузочки такие, самошитые, вышитые были. Какая-то строчёная была. Черна юбка, бела кофта, она считала все. Это в молодости я так запомнила...» (д. Баймурзино)⁴. Отличительной особенностью немецкой одежды было ношение нижнего белья. Обычно носили по две юбки, вниз надевали нижнюю — *der Unterrock*, а затем верхнюю — *der Halbrock*. Будничный и праздничный костюмы дополнял фартук — *die Schürze*. В праздничном и воскресном костюме обычно носили белый фартук: «Фартуки белые у старух помню. Бабушка, как воскресенье, переоденется. Сходит куда-нибудь в гости в белом фартуке, он весь белый, и оборочка кругом сделана...» (д. Нижняя Григорьевка)⁵. Головным убором был пла-

ток, который являлся обязательным элементом костюма замужних женщин: «Замужние платки носили, все там примерно тоненький платок, наверх еще платок...» (д. Николаевка)¹.

Верхняя сезонная и зимняя одежда также чаще всего изготавливалась из холщовых и суконных тканей домашнего производства или покупных плотных тканей. В летнее и осеннее время носили холщовые пиджаки, имевшие как русское название — летник, так и немецкое — *der Samorock*: «Летники шили. Ну, летник, он как пиджак, по-немецки *Samorok*, и по-русски и по-немецки называли» (д. Николаевка)². Для более холодного времени шили стеганные пиджаки, которые покрывались холстом и простегивались льняной куделью: «Портяное вверху выкроют, а потом внутри как это лен кладут, прошивают, крестно-перекрестно» (д. Николаевка)³. Зимней одеждой считались также шубы, во время длительных поездок надевали овчинные тулупы: «На лошади ездили в тулупах. Тулуп оденут, сядут на сани и едут, сено подложат и едут» (д. Николаевка)⁴.

Наиболее интересной, сохранившей этническую специфику следует считать деревянную обувь, известную в немецких деревнях как *die Pantoffeln*, реже — *die Glosen, die Holzglosen*. Пантофли изготавливали из деревянной заготовки, вырезая пластину, обычно овальной формы, под подошву по размеру ноги, иногда с небольшим каблучком: «Пантофли, деревянна подошва, сверху из старых сапог кожаный носок пришьют и ходили, как сейчас резиновые шлепанцы...» (д. Николаевка)⁵; «У нас отец делал деревянную обувь, а личико-то кожаное. А тут деревянная подошва. Ноги обшаркивали, бегали. Он из дерева их вырезал. Он полоску-то приставит и кожаное личико пришьет... По ноге делали...» (д. Нижняя Григорьевка)⁶. Пантофли использовали только как домашнюю

¹ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм (Дзельгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Добрынина (Стефан) Евдокия Ивановна 1933 г.р., родом из д. Романовка Октябрьского района.

⁴ ПМА-2006; Октябрьский район, д. Новопетровка, Машковцева (Либерт) Галина Августовна, 1962 г.р., родом из д. Баймурзино Октябрьского района.

⁵ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Краснопорова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

¹ ПМА-2004; Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

² Там же, она же.

³ Там же, она же.

⁴ Там же, она же.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁶ ПМА-2006; Чернушинский район, г. Чернушка, Краснопорова (Кельм) Берта Густавовна, 1924 г.р., родом из д. Нижняя Григорьевка Чернушинского района.

обувь, она была проста как в изготовлении, так и в способах ношения: «Пантофли носили, подошва деревянная, а сверху кожа немного. Ногу сунул, побежал, только шлепотня пошла. Каждому такие делали...» (д. Ивановка)¹; «Пантофли — это ходить в конюшню...» (д. Николаевка)²; «Да к скотине ходить обувь делали, галош-то не продавали, подошва деревянная, как шлёпки делали — *Holz-glosen*» (д. Баймурзино)³. «В загон ходили, на улицу, к соседям. Брякают, стучат, как теперь высокие каблуки...» (д. Николаевка)⁴. Пантофли обычно носили в летнее время, надевали их либо на босую ногу, либо с носками и чулками. Зимой пантофли использовали редко и только во дворе усадьбы. У детей пантофли могли быть единственной домашней и выходной обувью: «Пантофли с носками носили, я и дома носила и в школу ходила с пантофлем...» (д. Жуки)⁵. Схожие виды деревянной обуви были характерны и для других групп немцев России; как один из архаичных видов обуви они известны в Германии⁶.

Для работы, в повседневном быту, в качестве праздничной использовали и другую обувь. В качестве мужской праздничной обуви, а иногда и для работы использовались сапоги. В немецких поселениях сохранялись традиции выделки кожи, было известно и сапожное ремесло. Как правило, сапоги шили немецкие сапожники из кожи домашней выделки, которую приносил заказчики: «Кожу многие делали. А шили сапожники. Дядя вот наш был сапожник. Такие сапоги сошьет, так сейчас на фабрике не сошьют... На работе всё в лаптях ходили. Сапоги-то только уж по праздникам...» (д. Николаевка)⁷. Сапожники и башмачники выполняли

¹ ПМА-2006; Чернушинский район, д. Ивановка, Ратке (Чуракова) Александра Петровна, 1930 г.р.

² ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

³ ПМА-2000; Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁴ ПМА-2006; г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

⁵ ПМА-2006; Октябрьский район, с. Тюинск, Стефан Райнгольд Иванович, 1948 г.р., родом из д. Жуки Октябрьского района.

⁶ Арндт Е.А. Национальный костюм немцев Поволжья (конец XVIII — начало XX в.). М., 2000. С. 13.

⁷ ПМА-2006; Октябрьский район, пос. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р., родом из д. Николаевка Чернушинского района.

Герберт (1924 г.р.) и Амалия (1925 г.р.) Гаак — последние жители — немцы в д. Ивановка Чернушинского района, 2000

Красноперова (Кельм) Берта Густавовна (1924 г.р.), г. Чернушка

Коротаева (Стефан) Елизавета Ивановна, 1936 г.р., Октябрьский район, д. Алмаз

г. Пермь, Кельм (Дэльгас) Елена Августовна, 1935 г.р., родом из д. Ивановка Чернушинского района

г. Пермь, Кельм Адольф Густавович, 1935 г.р., родом из д. Ивановка Чернушинского района

Октябрьский район, с. Сарс, Либерт Роман Юлисович, 1925 г.р.

Октябрьский район, пос. Щучье Озеро, Либерт Милита Юлисовна, 1935 г.р.

Чернушинский район, с. Трун, Либерт Роман Андреевич, 1929 г.р., родом из д. Ивановка Чернушинского района; Либерт (Гуткнехт) Ольга Васильевна, 1929 г.р.

Жители д. Романовка, начало XX в.

Немцы-переселенцы в д. Николаевка, начало XX в.

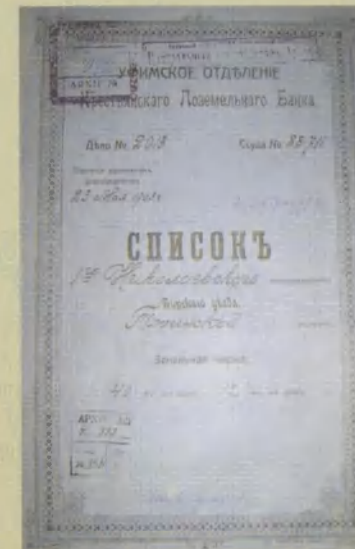
Свидетельство о конфирмации
Еске Мануила Ивановича,
1886 г.р.

Свидетельство о конфирмации

Лицевой лист банковского
дела Нижне-Григорьевского
товарищества

Лицевой лист банковского дела
1-го Николаевского товарищества

СПИСОКЪ

№	Имя	Возрастъ	Полъ	Состояніе	Занятіе
1	Ивановъ Иванъ	35	М	Вдв.	Колѣсникъ
2	Петровъ Иванъ	40	М	Вдв.	Колѣсникъ
3	Сидоровъ Иванъ	30	М	Вдв.	Колѣсникъ
4	Климовъ Иванъ	25	М	Вдв.	Колѣсникъ
5	Васильевъ Иванъ	38	М	Вдв.	Колѣсникъ
6	Поповъ Иванъ	42	М	Вдв.	Колѣсникъ
7	Смирновъ Иванъ	33	М	Вдв.	Колѣсникъ
8	Михайловъ Иванъ	28	М	Вдв.	Колѣсникъ
9	Кузнецовъ Иванъ	36	М	Вдв.	Колѣсникъ
10	Левинъ Иванъ	45	М	Вдв.	Колѣсникъ

ПОСЕЛЕНИЯ, ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Вид на д. Ивановка Чернушинского района, 2000

СПИСОКЪ ДОМОХОЗЯЙСТВЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА

№	Имя	Возрастъ	Полъ	Состояніе	Занятіе
1	Ивановъ Иванъ	35	М	Вдв.	Колѣсникъ
2	Петровъ Иванъ	40	М	Вдв.	Колѣсникъ
3	Сидоровъ Иванъ	30	М	Вдв.	Колѣсникъ
4	Климовъ Иванъ	25	М	Вдв.	Колѣсникъ
5	Васильевъ Иванъ	38	М	Вдв.	Колѣсникъ
6	Поповъ Иванъ	42	М	Вдв.	Колѣсникъ
7	Смирновъ Иванъ	33	М	Вдв.	Колѣсникъ
8	Михайловъ Иванъ	28	М	Вдв.	Колѣсникъ
9	Кузнецовъ Иванъ	36	М	Вдв.	Колѣсникъ
10	Левинъ Иванъ	45	М	Вдв.	Колѣсникъ

Список домохозяйств Екатерининского товарищества

СПИСОКЪ ДОМОХОЗЯЙСТВЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА

№	Имя	Возрастъ	Полъ	Состояніе	Занятіе
1	Ивановъ Иванъ	35	М	Вдв.	Колѣсникъ
2	Петровъ Иванъ	40	М	Вдв.	Колѣсникъ
3	Сидоровъ Иванъ	30	М	Вдв.	Колѣсникъ
4	Климовъ Иванъ	25	М	Вдв.	Колѣсникъ
5	Васильевъ Иванъ	38	М	Вдв.	Колѣсникъ
6	Поповъ Иванъ	42	М	Вдв.	Колѣсникъ
7	Смирновъ Иванъ	33	М	Вдв.	Колѣсникъ
8	Михайловъ Иванъ	28	М	Вдв.	Колѣсникъ
9	Кузнецовъ Иванъ	36	М	Вдв.	Колѣсникъ
10	Левинъ Иванъ	45	М	Вдв.	Колѣсникъ

Вид на немецкую улицу в д. Баймурзино Октябрьского района, 2006

Немецкий дом в д. Баймузино Октябрьского района , 2006

Немецкий дом в д. Баймузино Октябрьского района, 2006

Усадьба семьи Гаак в д. Ивановка Чернушинского района, 2000

Усадьба семьи Гуткнехт в д. Баймузино Октябрьского района, 2006

Дом семьи Ратке в д. Ивановка Чернушинского района, 2000

Усадьба семьи Гриник в д. Баймузино Октябрьского района, 2006

Немецкая улица в д. Баймузино Октябрьского района, 2006

Немецкая улица в д. Баймузино Октябрьского района, 2006